

63.3(2)
Ф71

92
Ф-М ПРОВЕРЕНО

И. ФЛЕРОВСКИЙ

34284/24

НАША ПЕРВАЯ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
1905г.

ЗА ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ ДО ОКТЯБРЯ

1.27.6872

КАТАЛОГ

ПРОВЕРЕНО в 1927 №

947.
Ф70

13558.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1925 ☆ ЛЕНИНГРАД

Электронный архив библиотеки МГУ имени М.А. Кулешова

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
За двенадцать лет до Октябрьской революции	3
Причины и движущие силы революции 1905 г.	9
Русско-японская война	37
Первые раскаты революционной грозы	42
Рабочие вступают в бой с самодержавием	47
Крестьянская борьба с помещиками и царским самодержавием	51
Революционное восстание в армии	68
Буржуазия хочет конституции и боится революции	74
Как смотрели на революцию большевики	79
Октябрьская всеобщая забастовка	83
Советы Рабочих Депутатов	87
Наступление самодержавия. Погромы, оборона революции	91
Правительство продолжает наступление. Московское вооруженное восстание	95
Почему победил царь?	102

ЗА ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

За двенадцать лет до Октябрьской революции 1917 года, в 1905 году, рабочие и крестьяне тогдашней Российской империи впервые вступили в решительную борьбу с царским самодержавным правительством и господствовавшими тогда классами помещиков и крупных капиталистов. Это была первая наша рабоче-крестьянская революция. За что тогда боролись рабочие и крестьяне? Прежде всего, они хотели свергнуть царское самодержавие, добиться «воли», то-есть учредить демократическую, народную республику. Затем, рабочие хотели добиться лучших условий своей работы и жизни, в первую голову—восьмичасового рабочего дня. Крестьяне хотели захватить помещичьи, удельные (царской фамилии), казенные и монастырские земли.

Революция 1905 года до самых глубоких низин всколыхнула народные массы. Не было такого рабочего поселка, который бы не бастовал и не выкидывал красных знамен. Больше половины всех уездов России были охвачены крестьянскими выступлениями против помещиков.

Революционное брожение захватило и армию—ряд солдатских и матросских восстаний прокатился по царской казарме. Были моменты, когда царское правительство дрожало под мощными ударами революции. Всеобщая забастовка в октябре вырвала из рук царя манифест о «свободах». Восстание на самом большом корабле Черноморского флота, броненосце «Князь Потемкин-Таврический», Кронштадтское, затем Севастопольское восстания заставили царское правительство бояться за преданность армии и флота «престолу». И наконец, ряд вооруженных восстаний, из которых самым большим и решительным было восстание в Москве, в декабре месяце, поставили царское правительство на край гибели.

И тем не менее, из огромной схватки с рабоче-крестьянскими массами царское правительство вышло победителем. Революционное движение крестьян и рабочих в 1905 году было разбито и затоплено в народной крови. Почему так вышло, почему победил царь—об этом мы расскажем ниже. А теперь отметим, что, несмотря на поражение и разгром, революция 1905 года имела для рабочих и крестьян огромное значение. Ленин не раз говорил, что без революции в 1905 году рабочие и крестьяне не смогли бы победить в октябре 1917 года. Революция 1905 года явилась репетицией, подготовкой к рабоче-крестьянской победе в 1917 году.

Царь вышел победителем. Но эта победа не

могла быть долговременной. Она добыта была штыками и пушками темных, забитых, несознательных солдат. А на штыках и снарядах долго не усидишь. Рабочие и крестьяне были разбиты, но в их сердцах осталась неугасимая ненависть к царю, помещикам и капиталистам. И не только ненависть, но и вера в будущую свою победу. Ведь революция показала, что народные массы, когда они сплоченными рядами идут в решительный бой, заставляют дрожать самодержавие. Значит оно уже не так твердо стоит на ногах. Значит его можно сшибить, только надо быть еще сильнее, сплоченнее, сознательнее, смелее, поменьше делать ошибок. Революция 1905 года оставила в массах глубокую революционную зарядку, она многому их научила, сильно подняла революционное сознание рабочих и крестьян. Примеров выучки от 1905 года не занимать стать.

Так, когда вождь кадетской партии Павел Миллюков в мартовскую революцию 1917 года заикнулся на рабоче-солдатском митинге о сохранении царского престола за Михаилом Романовым, он был освистан и прогнан с митинга. Рабочие и солдаты-крестьяне знать не хотели ни о каком царе. Этому научил их 1905 год.

На другой же день после мартовского переворота, как грибы после дождя, стали вырастать Советы рабочих, солдатских депутатов в городах и крестьянских — в селах и деревнях. Это опять-таки плод науки 1905 г.

В первые дни мартовской революции солдаты тинулись к Государственной Думе, где их встречал помещик Родзянко и разные представители буржуазных партий. Все они говорили о своей любви к народу и о преданности революции. Солдаты слушали их и кричали ура. Но лишь только образовался Совет рабочих, а затем и солдатских депутатов, как буржуазные партии остались без народа: никто из рабочих, солдат и крестьян им не доверял и знать их не хотел. Буржуазное временное правительство только и держалось потому, что его прикрывали собой социалисты-соглашатели (эсеры и меньшевики), еще не утерявшие тогда доверия рабоче-крестьянских масс. Почему буржуазным партиям не верили? Да потому, что вспомнили, как изменили они народу в революции в 1905 году, как они предали эту революцию и вошли в сделку с царем против народа.

А Октябрьское восстание 1917 года? Разве оно могло бы пройти в Ленинграде и Москве так дружно и легко, если бы у нас не было выучки от разбитого восстания в Москве в 1905 году. Нет, конечно, нет. По московскому уроку 1905 года мы знали, что восстание должно быть хорошо подготовлено, рассчитано, распланировано, массы должны быть вооружены, сведены в отряды, иметь руководителей, знать свои места в бою — вот тогда восстание будет победным.

На ошибках 1905 года мы научились верно и без промаха бить в 1917 году.

И что бы мы ни взяли из успехов революции 1917 года, везде корень этих успехов можно отыскать в революции 1905 года. Но самое важное, что оставил нам в наследство 1905 год,—это сознание необходимости для революционной победы союза рабочих и крестьян. Забегая вперед, можно сказать, что революция 1905 года и разбита была главным образом потому, что в ней не было крепко спаянного в борьбе рабоче-крестьянского союза. И рабочие и крестьяне в борьбе с самодержавием, помещиками и капиталистами действовали в значительной мере порознь. Порознь они были и разбиты. Ленин еще накануне 1905 года учил необходимости рабоче-крестьянского союза. 1905 год показал, что крестьяне без помощи рабочих, без руководства рабочим классом не смогут добыть землю и волю. В свою очередь и рабочие без поддержки многомиллионного крестьянства не в состоянии свергнуть самодержавия и гнета капиталистов. Вот почему после мартовской революции, когда из заграничного изгнания вернулся Ленин, он первым делом заявил революционно настроенным рабочим — ни шагу без поддержки крестьян, без союза с крестьянством. И самой важной задачей он считал: прояснить революционное сознание крестьян, связывать их с рабочими организациями, добиваться того, чтобы крестьяне точно узнали своих врагов и спаялись бы накрепко в революционной борьбе с рабочим классом. Эту задачу разрешила под руководством

Ленина партия большевиков, и разрешила легко, потому что и крестьяне и рабочие хорошо помнили урок 1905 года.

В нынешнем 1925 году исполняется двадцатилетие первой рабоче-крестьянской революции. С полным правом крестьяне и рабочие СССР ее могут отпраздновать, так как она полностью оправдана Октябрьской победой 1917 г

Но дело не только в праздновании. Надо в эти знаменательные месяцы оглянуться в прошлое, уже в достаточной мере забытое, присмотреться к тому, как боролись крестьяне и рабочие в 1905 году, и запомнить накрепко уроки этой борьбы. А запомнить есть что.

Во-первых, надо запомнить, что если разбит рабочий класс в революции, то и крестьянину не поздоровится и от его завоеваний ничего не останется. Так было в 1905 году: после разгрома рабочих вооруженных восстаний, разгрома рабочих организаций—от крестьянских земельных захватов ничего не осталось, кроме кровавых полос на крестьянских спинах от казацких нагаек.

Во-вторых нелишне на уроке 1905 года еще раз проверить цену буржуазии и буржуазных партий. Нелишне это вот почему: в Советском Союзе буржуазия не исчезла. Хотя и зажатая в тисках рабоче-крестьянской власти,—она все же существует в городах и вырастает в деревнях. Она имеет много друзей за границей и вместе с ними

мечтает о возврате прошлого, когда власть, фабрики, заводы и хороший кусок земель были в ее руках. Она бы не прочь вернуть это прошлое, но вернуть его она сможет, лишь свергнув Советскую власть. А для свержения ей нужна сила. Такую силу она мечтает заполучить от крестьянских масс, которые-де не всегда бывают довольны Советами. Так вот, крестьянину поэтому и полезно вспомнить революцию 1905 года, когда буржуазия, испуганная рабоче-крестьянским революционным движением, бросилась в сбъятия царя и помогла ему расправиться с революцией.

И наконец, историю 1905 года необходимо знать потому, что без этих знаний не понять победы рабочих и крестьян в 1917 году. Особенно это относится к крестьянской молодежи, не переживавшей поражения и ужасов царской расправы с крестьянами и рабочими в 1905 году.

ПРИЧИНЫ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА.

Революции с неба не падают и не приходят неожиданно, как это кажется простому обывателю. Революцию делают народные массы, те классы населения, которые заинтересованы в свержении власти господствующих классов и в создании новой, своей власти. Значит, чтобы произошла революция, необходимо, чтобы революционные классы созрели, поняли, чего они хотят, научились бы бороться, действовать сплоченно, выдвинули

бы свою политическую боевую партию, способную руководить революционным переворотом и, в случае его успеха, взять в свои руки власть.

Не всякое восстание есть революция. Только всеобщее массовое восстание с целью захвата власти становится революцией. Мы знаем много народных восстаний, которые не достигали степени революций и называются просто или революционными движениями (если они были длительны) или бунтами (если они были непродолжительны). Так, в русской истории известны крестьянские революционные движения Ст. Разина, Емельяна Пугачева и многочисленные крестьянские бунты в годы освобождения крестьян от крепостной зависимости. Немало было и рабочих бунтов.

Главным недостатком этих восстаний являлось неясное понимание того, что хотят восставшие — восстают потому, что жить невыносимо — и полное незнание, как изменить тяжелую обстановку жизни.

Крестьянские революционные движения, настоящие крестьянские войны с господствующим классом (помещиками) происходили и в Западной Европе. Так, в Англии было крестьянское восстание в XIV веке, то же во Франции, — здесь восстание известно под названием «Жакерии» (от имени Жак — Яков, которое носили многие крестьяне), — и крестьянские войны в Германии в XVI веке. Они были очень похожи на наши крестьянские вос-

стания и также кончились неудачно. Только XVII и XVIII века приносят уже подлинные революции. В XVII веке происходит Английская революция. Во главе ее стоит городская буржуазия, которая борется за свержение короля и власти помещиков (лордов), за установление своей, буржуазной власти. В этой революции крестьяне поддерживают буржуазию, и революция кончается победой буржуазии. В XVIII веке выросшая и усилившаяся французская буржуазия начинает также решительную борьбу с королевской властью и с помещиками. В этой борьбе крестьянство опять поддерживает буржуазию, и революция кончается поражением дворянства и короля.

Обе упомянутые революции являются буржуазными революциями. Обе кончились захватом власти буржуазией и укреплением буржуазного, капиталистического строя. Выиграло ли от этих революций крестьянство? Да, его зажиточная часть выиграла несомненно,—в руки зажиточных крестьян перешла значительная часть помещичьих земель. Крестьянская же беднота, не имевшая денег на покупку земель, хотя бы и по дешевой цене, и не имевшая достаточного инвентаря для обработки земель, от буржуазной революции выиграла очень мало и скоро попала от гнета помещиков под гнет кулаков, т.-е. «из огня в полымя».

Для того, чтобы и в России свершилась революция, могущая свергнуть самодержавие и господство помещиков, необходимо было вызревание в

недрах российского хозяйства фабрик, заводов, развитие внутренней и внешней торговли. Другими словами — необходимо было, чтобы хозяйственный рост создал новые классы населения, способные объединить все революционные силы страны на борьбу с самодержавием. Такими классами могли быть: или, по образцу Запада городская буржуазия или рабочий класс. Ниже мы увидим, почему наша революция 1905 года не пошла по английскому и французскому пути, почему во главе ее оказалась не буржуазия, а рабочий класс. А теперь скажем вкратце о том, как выросли эти новые классы населения.

До падения крепостного права промышленность в России развивалась крайне медленно. К концу крепостной зависимости крестьян (в 1850 г.) всего было около 10 тысяч фабрик с общим числом рабочих до полумиллиона. Главной помехой к росту русской промышленности было крепостное право. Рабочие на фабриках и заводах были из крепостных крестьян и сами оставались крепостными. Их труд был крайне дешев, работали они под хозяйским и полицейским кнутом, но из-под кнута выработывали очень мало и очень плохо. Так, за полтора столетия добыча чугуна еле утроилась: в 1718 г. добывалось $6\frac{1}{2}$ милл. пудов, а в 1867 г. — всего 17 милл. пуд. То же самое наблюдалось и в других производствах. Падение крепостничества расчистило путь к быстрому росту промышленности. В распоряжении фабрикантов и

заводчиков скоро оказалось много свободных рабочих рук. Стали вырастать новые заводы и фабрики, стало увеличиваться производство. Та же выплавка чугуна за следующие тридцать лет (в 1898 г.) скакнула до 133 милл. пудов, то-есть увеличилась по сравнению с 1867 г. в девять раз. Добыча нефти, которая в 60-х годах не достигала и миллиона пудов, выросла к 1895 году до 384 миллионов пудов, а к 1902 г.—до 637 милл. пудов. Общая численность фабрично-заводских предприятий, подчиненных надзору государственных фабричных инспекторов, в 1903 году составляла 15.821 с числом рабочих 1.640 тысяч человек. Если же к этому числу прибавить предприятия, не подлежащие фабрично-инспекторскому надзору, в том числе строительное дело, водные пути, торговлю и др., то общая численность рабочих масс составит около 5 миллионов человек.

Важно еще отметить одно обстоятельство: российская промышленность не расплылась по мелким предприятиям, а, наоборот, распределялась по крупным фабрикам и заводам; так, предприятий, на которых работало свыше 1.000 человек, в 1903 году было 238 и занимали они 521.511 рабочих; предприятий с числом от 100 до 1.000 было 2.499 с числом рабочих 739.852. Эти цифры означают, что большие массы рабочих собирались в фабрично-заводских поселках, им легче было объединяться, организовываться для борьбы с капиталом, а потом—и с самодержавием.

Положение рабочих масс на фабриках и заводах было чрезвычайно тяжелым. Уже не говоря о провинции, в самой столице—Петербурге (теперь Ленинграде) в 70-х годах рабочий день продолжался 14—15 часов. Наоборот, заработная плата была чрезвычайно низка: заработок фабричного рабочего в столице колебался между 17 и 20 рублями в месяц, в провинции и того ниже—12 и 18 рублей. Жили рабочие в особых домах, или бараках, страшно скученно; часто в одной комнате помещались вместе мужчины, женщины и дети, семейные и холостые. Сами фабрики и заводы были скверно оборудованы, никакого признака охраны труда, никакого санитарного наблюдения не существовало. Никто не собирал сведений о числе несчастных случаев на фабриках и заводах, но это число должно быть громадно.

Недаром же в эти, примерно, годы среди московских рабочих пелась песня:

Ах, постылый ты завод,
Перепортил весь народ..

Русскому капиталисту не было нужды заботиться о здоровье рабочих,—на каждого выбывшего рабочего деревня поставляла десяток свежих.

Еще в крепостное время рабочие, доведенные до отчаяния грабежом и гнетом хозяев, пробовали бороться с ними путем жалоб начальству или бунтов. Но жалобщиков ссылали или сажали в тюрьмы, а против «бунтовщиков» посылались сол-

даты,—расправа была короткая: расстрел, розги или кандалы. В 70-х годах рабочие прибегают к новому способу борьбы — к забастовке. В мае 1870 года впервые забастовала в Петербурге Невская бумагопрядильня с 240 прядильщиками. Они требовали повышения заработной платы. Начальство взглянуло на эту забастовку, как на бунт: 57 человек из забастовщиков были присуждены царским судом к тюрьме на разные сроки.

Но преследования правительства забастовок не прекратили. Они перекинулись и в Москву и в провинцию. В редких случаях рабочие добивались уступок от капиталистов,—чаще подвергались жестоким преследованиям полиции. Несмотря на преследования, рабочие не сразу поняли, что начальство такой же враг их, как и хозяин. Были случаи, когда они, забастовав, шли с жалобой на хозяина к ближайшему приставу, а затем к градоначальнику. Рабочие Невской бумагопрядильни во время забастовки в 1878 году всей толпой явились с прошением к дворцу наследника престола. Тот их не принял, и они вынуждены были стать на работу, ничего не добившись. На таких уроках борьбы, на расправах с ними начальства рабочие постепенно приходили к сознанию того, что самодержавное правительство есть правительство капиталистов, приходили к сознанию необходимости бороться не только с хозяевами, но и против правительства.

В 1891/92 г. был неурожай, а за ним и страш-

ный голод в деревне. Этот голод подорвал и промышленность: некуда стало сбывать товары — крестьянство покупать их не могло. Капиталисты стали сокращать рабочих, уменьшать и так голодную заработную плату. Это вызвало подъем забастовочной волны во всей России. Во многих местах забастовки усмирялись военной силой. С этого года забастовки уже не прекращаются. За десятилетие с 1895 г. по 1904 было 1765 забастовок, и в них принимали участие 431.254 рабочих.

Таким образом в боях с капиталистами создавалась новая революционная сила — рабочий класс. С годами росло его сознание, на тяжелых уроках борьбы он узнал своих врагов и в том числе главного — царское самодержавие. Ниже мы остановимся на том, как развивалась революционная работа в рабочих массах, а сейчас обратимся к другому классу, которому суждено в революции биться бок-о-бок с рабочими, — к крестьянству.

В 1861 году вышел закон об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Этот закон был издан потому, что дальнейшее существование крепостного права становилось явно невозможным. Крепостной труд был невыгоден не только в промышленности, о чем мы говорили выше, но и часть помещиков, стремившаяся улучшить свое хозяйство, чтобы вывозить больше хлеба за границу, считала тоже крепостной труд больше невыгодным для себя. Против крепостничества все сильнее разгоралась и борьба крестьян. Эта борьба

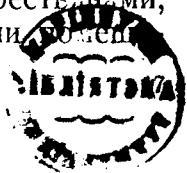

34289C
ба\ выливалась в поджогах помещичьих имений, в убийствах наиболее кровожадных помещиков. Недаром накануне падения крепостного права царь Александр II говорил: «Лучше освободить крестьян сверху, нежели ждать освобождения снизу»; то-есть крестьянского восстания.

«Осени себя крестным знаменем, русский народ»,—такими елейно-поповскими словами начинался царский манифест. Крестьянин «осенился», а потом застыл от изумления перед царско-помещичьим жульничеством, с которым происходило «освобождение». Это было—как писал Ленин—«не освобождение крестьян от власти помещиков, а освобождение крестьян от земли».

27657
Крестьянам не отдали всю ту землю, которой они пользовались в крепостное время. Им оставили только часть этой земли и притом худшую часть. Лучшая часть земель от крестьянских полей была отрезана и передана помещикам.

Земельное ограбление крестьян достигало весьма солидных размеров. Так, в 21 губ. черноземной полосы из 14¹/₂ миллионов десятин, бывших в крестьянском пользовании до отмены крепостного права, было отрезано около 4 милл. десятин—свыше четверти всей крестьянской земли. В других районах было отрезано еще больше: в Поволжском 35 проц., в Украинском 32 проц., в Новороссии 30 проц. и т. д. А затем и ту худшую часть земель, которая оставалась за крестьянами, нарезали в таких местах, так окружили помещ

чьими угодьями, что без аренды этих угодий у помещика крестьянин никак не мог обойтись. Таким образом, хоть и на новый лад, а крестьяне опять очутились в кабале у помещиков. Но и этого мало. За землю, которая оставалась за крестьянскими обществами, они должны были в карман помещиков выплачивать огромный выкуп, при чем этот выкуп на много превышал действительную стоимость земли. Так, в нечерноземной полосе крестьяне уплатили за «освобождение» 12 миллионов 286 тысяч десятин 342 миллиона рублей, а стоили эти десятины по-настоящему всего 180 миллионов рублей. В черноземной полосе за 9 милл. 841 тысячу десятин крестьяне заплатили 342 милл. рубл., а стоимость этих земель была 284 милл. руб. В Московской губернии, где покупная цена десятины земли была 26 руб., по выкупу с крестьянина взяли за нее 51 руб. 33 коп. В Петербургской вместо 24 рубл. взяли 61 руб. 50 коп.

Вот как «освобождали» крестьян. Но и это еще не все. Ведь иной крестьянин мог бы плюнуть на предоставленные ему угодья и выкуп и уйти в город. Не тут-то было! Крестьянину было предоставлено, видите ли, мирское самоуправление, осталась нетронутой крестьянская община. И вот, не отдельный крестьянин сам за себя отвечал за своевременный взнос выкупных платежей, а отвечала круговой порукой вся община. Это была воистину хитрая механика. При ней уж ни

один крестьянин не мог сбежать от уплаты выкупа, общество за него отвечало и само общество за ним следило. Староста не выдаст паспорта крестьянину, не уплатившему выкупа.

Так от знаменитого «освобождения» крестьян помещики получили: 1) лучшие земли, 2) дешевые рабочие руки (своей землей не прокормиться — пойдешь поневоле подрабатывать к помещику), 3) возможность сдавать крестьянам землю в аренду и драть с них за эту аренду, как душа захочет, и 4) огромный выкупной капитал, содранный с тех же крестьян.

Для огромного большинства крестьян «освобождение» оставило настоящее разорение и тяжелую земельную нужду, которая обострялась из года в год.

Опомнившись от первого изумления, крестьянство пыталось своими средствами улучшить «освобождение». В ряде мест вспыхнули крестьянские бунты, запылали помещичьи усадьбы, но эти бунты без большого труда были усмирены правительством, а огонь усадеб был залит крестьянской кровью.

Спустя каких-нибудь десять — пятнадцать лет после освобождения один профессор, изучавший хозяйственное положение крестьян, писал: «Положение крестьян стало хуже, чем при крепостном праве, когда они были, по крайности, сыты и когда помещики платили за них подати».

Благодаря приросту населения земельные на-

делы крестьян страшно измельчали. В 1860 году на каждую мужскую душу в среднем приходилось около 5 десятин (4,83); к 1900 году этот средний надел сократился почти вдвое—до двух с половиной десятин (2,59). Но эта средняя цифра мало говорит о земельной нужде. Были немногие губернии, где средний земельный надел и в 1900 г. был около четырех десятин (Таврическая губ. 3,6 дес.), но в большей части губерний на мужскую душу приходилось меньше двух десятин (Рязанская, Тульская, Полтавская—1½ десятины, Киевская, Полтавская—чуть больше десятины—1,2).

На выкупной крестьянский долг непрерывно нарастали проценты, и уже к январю 1900 года крестьяне переплатили свыше полутора миллиардов рублей за землю, которая во время освобождения стоила немного больше 600 миллионов руб. А платежам еще не предвиделось конца. Кроме выкупных платежей, на крестьянах лежали еще разного рода натуральные повинности (починка дорог, поставка сотских и десятских для несения полицейской службы, содержание духовенства, доставка подвод чиновникам и многие другие),—в общем таких повинностей на каждую десятину приходилось 67 к. в год. Да прямых налогов за землю крестьяне уплачивали ежегодно в среднем по всей России 1 р. 56 коп. с десятины (в 1903 г.). Вместе с натуральными повинностями это составит 2 р. 23 к.,—больше половины средней доходности одной десятины. (Чистая доходность деся-

тины в 1903 г. в среднем исчислялась в 4 р. 38 к.) А затем еще крестьяне вынуждены были на разных покупках переплачивать косвенные налоги, — на каждую душу населения в 1902 году косвенных переплат (акциза) падало 6 руб. 92 коп. Прав один ученый, который, разобравшись в положении русских крестьян, заявил: «Крестьянин стал податным животным».

В силу таких огромных, непосильных крестьянству платежей за ним накапливались недоимки, а эти недоимки беспощадно выколачивались полицейской силой; за недоимки крестьянское имущество шло в продажу с молотка и скупалось большей частью кулаками.

Уже в старой крепостной общине крестьянство не было однородным по имущественному достатку. Некоторым крестьянам удавалось уйти от помещика в город, стать на оброк и, живя в городе, лучше зарабатывать и, при удаче, даже откупаться от помещиков «на волю». И в самой общине были крестьяне позажиточнее и победнее. После «освобождения» расслоение крестьянства на бедноту, середняков и богатеев пошло очень быстро. Свой хлеб крестьянин должен был везти на рынок продавать, чтобы уплатить подати и купить городские товары. Крестьянин позажиточнее имел и хлеба больше и продать мог его выгоднее. Хозяйство такого крестьянина шло в гору. Наоборот, при невыгодных продажах, при неурожае крестьянское хозяйство беднело. Многие крестьяне, со-

всем разорившись, шли в город на фабрику. Свои наделы они или бросали или за гроши отдавали в аренду зажиточным. Продать свой надел они не могли, так как земля была в распоряжении всего общества. Но сдача в долговую аренду заменяла продажу, с той только разницей, что от нее больше выигрывал не бедняк, а зажиточный арендатор. Так постепенно создавалась разница в крестьянских хозяйствах. В 1896—1900 годах была среди крестьянства военно-конская перепись. По этой переписи можно судить, как к этому времени расслоилось крестьянство. Перепись показала, что по 48 губ. России:

Безлошадных крестьянск. дворов было . .	3.242.462
С 1 лошадыо " " " . .	3.361.778
" 2 лошадыми " " " . .	2.446.731
" 3 " " " . .	1.047.900
" 4 и более " " " . .	1.013.416

Значит больше половины (почти 60 процентов) было безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств. Это—настоящая крестьянская беднота. Хозяйств с 2 лошадыми было около одной четверти (22 процента) и с тремя, четырьмя и более—18¹/₂ процентов. Эти цифры были указаны тов. Лениным, много занимавшимся изучением жизни крестьян. Непосильная и разорительная тяжесть податей ложилась главным образом на плечи крестьянской бедноты и середняков-крестьян. Деревня нищала и разорялась. Невмоготу станови-

лось как следует обрабатывать землю, да и нечем ее было обрабатывать. В результате плохой обработки неурожаем следовал за неурожаем ¹⁾.

Что касается правового положения крестьян, то-есть их личной свободы и прав, то оно ярче всего определялось наличием в волости земского начальника. Земские начальники были введены в 1889 году, спустя 28 лет после «освобождения» крестьян. За это время хозяйство помещиков, несмотря на земельное ограбление ими крестьян в 1861 году, несмотря на постоянную помощь правительства дворянству, не развивалось, а неуклонно шло к упадку: в 1877 году в руках дворянства было больше $\frac{3}{4}$ всех частных земель, исключая крестьянскую надельную (80 процентов), а к 1900 году в их руках оставалось лишь около половины всех частных земель (53 проц.). Помещичьи земли постепенно переходили в руки зажиточных крестьян, купцов и мещан, то-есть вместо слабеющего дворянского землевладения выросло и крепло буржуазное землевладение. Причиной своего хозяйственного оскудения помещики считали уничтожение крепостного права, «дарование» крестьянам слишком больших «вольностей». Эти «вольности» они видели в том, что крестьянин не хотел даром работать на по-

¹⁾ Вот почему нельзя удивляться тем неурожаям, которые были уже после Октябрьской революции. Истощенная земля — это проклятое наследство царского и помещичьего хозяйничанья — требует немало времени, усилий и средств, чтобы привести ее в порядок.

мещичьих полях, а требовал за это «высокую» поденную плату, и в том, что крестьяне по выполнении всех повинностей, могли уходить в город и тем лишать помещика рабочей силы. Самодержавное правительство охотно пошло навстречу требованиям помещиков и издало ряд законов, укрепляющих силу и положение помещиков. Оно учредило дворянский банк, который за счет государства и в убыток государству снабжал помещиков деньгами, оно передало в руки дворянства господство в земском самоуправлении и, наконец, оно ввело для управления крестьянской волости земских начальников.

Земский начальник назначался правительством и обязательно из дворян. Ему были предоставлены широкие права расправы над крестьянами, мало чем отличающиеся от прежних крепостных прав помещика. Он мог без суда и без объяснения причин арестовывать крестьян. Земскому начальнику был подчинен волостной суд, на который он тоже мог налагать взыскания, а через этот волостной суд земский имел возможность не только арестовывать крестьян, но и подвергать их порке. Ни одно постановление крестьянского схода не могло быть проведено в жизнь без утверждения земского начальника. Он вмешивался во все стороны крестьянской жизни: ни один семейный раздел не проходил без его утверждения, даже наем пастуха и то требовал разрешения земского. Конечно, все свои широкие права, права старого крепост-

ного барина земский употреблял на помощь помещику. Уйдет ли крестьянин, работающий по-денно у помещика, на день, на два скосить свое сено,—земский сажал его под арест, не заплатит крестьянин долг кабатчику—опять, по распоряжению земского, под арест и т. д.

Чаще всего земские начальники назначались из местных дворян, имевших в местах своей службы собственные поместья; в таких случаях барин-«земский» для крестьян положительно ничем не отличался от прежнего барина-крепостника—только продать крестьян не мог, а другие крепостные права все были налицо.

Если к земскому прибавить урядника—полицейскую силу правительства в волости—да попа, который каждодневно твердил крестьянину о необходимости повиноваться начальству, ибо «несть, власти, аще не от бога»,—то получится та земная троица, в руках которой были тело и душа крестьянские.

Пытались ли крестьяне бороться с таким положением? Да, отдельные «беспорядки» (так называло царское правительство крестьянские выступления) были на всем протяжении десятилетий после освобождения.

Эти «беспорядки», или столкновения крестьян с помещиками происходили главным образом из-за тех земельных отрезков, которые были отданы у крестьян в 1861 году. Но, как мы указали выше, крестьянские волнения в годы «освобождения»

крестьян не достигли широких размеров и были легко подавлены правительством. И позднее, вплоть до 900-х годов крестьянство сравнительно спокойно переносило земельную тесноту и самодержавно-полицейский гнет. Недостаток в наделенной земле крестьяне покрывали арендой земельных участков у помещиков. Арендная плата в те годы была сравнительно невысока, и крестьянское хозяйство с ней справлялось. Но с годами росли цены на землю, вырастала и арендная плата. Рост цен на землю происходил во всех губерниях. Так, в Воронежской губ. средняя цена на землю в годы «освобождения» крестьян (в 1863—1867 г.г.) была 33 р. 88 к. за десятину, в 80-х годах (1883—1887—71 р. 54 к., а к 900-м годам (1898—1902)—100 руб. 61 коп. за десятину. В Рязанской губ. за те же годы цена за десятину была 28 р. 87 к., 64 р. 61 к. и 101 р. 69 к. В Тамбовской: 25 р. 58 к., 69 р. 61 к. и 107 р. 06 к. В Полтавской: 21 р. 37 к., 77 р. 80 к. и 139 р. 40 к. и т. д. Особенно сильно вырастала цена на землю, а с нею арендная плата в черноземных губерниях, где крестьянство занималось почти исключительно земледелием и не имело посторонних приработков.

Крестьянин арендовал помещичью землю по нужде, для того, чтобы прокормиться и прокормить свою семью. Но с ростом хлебной торговли и цен на хлеб, с развитием сети железных дорог, облегчавших торговлю, рядом с крестьянином появился и другой арендатор—арендатор-капита-

лист, который арендовал большие участки земель, чтобы нажить на них прибыль. Такие арендаторы-капиталисты содействовали повышению арендных цен на землю и вытесняли крестьян, неспособных с ними соперничать. Капиталистическая аренда особенно развивалась на юге, в украинских губерниях, откуда легче и выгоднее было вывозить хлеб за границу. Беднейшие крестьяне из-за высокой арендной платы вынуждены были совсем бросать хозяйство и уходили в город. Но город и промышленность поглощали сравнительно немногих,—главная масса крестьянства оставалась на земле и должна была, что называется, из кожи лезть, чтобы платить помещикам аренду. Доход с земли уже был недостаточен для покрытия высокой аренды: чтобы уплатить аренду, крестьянин вынужден был искать средства в продаже своего инвентаря, главным образом, скота. Количество скота в крестьянских хозяйствах резко сокращается, а это, в свою очередь, ведет к понижению добычи крестьянского хозяйства, к обеднению крестьян, к полному их обнищанию.

Таким образом к 900-м годам разоренное, обнищавшее крестьянство стояло на краю голодной смерти, и ему не оставалось другого выхода, как вступить в решительную борьбу с помещиками за землю. В 1901 году появляются первые признаки грядущих крестьянских восстаний. О настроении крестьян к осени этого года из Воронежской губ. писали так: «У нас в воздухе висит что-то

зловещее: каждый день на горизонте зарево пожара, по земле стелется кровавый туман, дышится и живется трудно, точно перед грозой. Мужик угрюмо молчит, а если и заговорит иногда, то так, что мороз по коже подирает».

И крестьянин заговорил. В 1902 году крестьянские волнения охватили ряд губерний: Воронежскую, Тамбовскую, Саратовскую, Харьковскую, Полтавскую и другие, то-есть прежде всего губернии черноземной полосы. Волнения начались в Воронежской губ. Крестьяне приходят к помещикам и требуют, чтобы те добровольно отдали им землю, хлеб и скот, а в случае отказа грозят сжечь усадьбу и поделить землю самовольно. Движение перебрасывается в Тамбовскую, а затем и в Саратовскую губ. И здесь крестьяне требуют: или чтоб им отдали землю или понижения арендной платы на землю до цены, установленной «миром», т.-е. крестьянским обществом. Особенно сильно разлилось крестьянское движение в Полтавской губернии. Здесь за короткий срок было разгромлено 54 помещичьих усадьбы. Движение началось с того, что крестьяне тоже приходили к помещикам и просили даровой помощи хлебом и кормом для скота. Помещики, конечно, отказывали, и крестьяне все забирали сами. Из Полтавской движение перекинулось в Харьковскую, Черниговскую и Киевскую губернии.

Все эти волнения быстро были подавлены войсками, и начальство с невероятной жестокостью

расправлялось с восставшими. Больше всего свирепствовали сами помещики, озверевшие от ранее испытанного испуга. Крестьян в некоторых местах не просто секли, а перед сечением в соленом растворе мочили розги. Свыше тысячи крестьян Полтавской и Харьковской губ. после порок было отдано под суд. Но все эти жестокости не могли сломить раз начавшегося крестьянского движения. В 1903 и 1904 годах движение затихло, крестьяне «смирились», но осталось напряженное состояние глухой ненависти к помещикам, которое прорывалось отдельными вспышками (поджогами усадеб, избияниями помещиков), с тем, чтобы вновь в 1905 году разразиться по всей России бурной революционной грозой.

Причины крестьянского недовольства царское правительство усматривало в пропаганде «злонамеренных личностей». Это был, конечно, сущий вздор. Но «злонамеренные личности» действительно существовали, и о них мы немного скажем.

«Злонамеренные личности»—это революционеры, это те, кто уже давно боролся с царским самодержавием и звал трудящихся на борьбу с царем, помещиками и капиталистами, это те, кто всемерно старался подготовить крестьян и рабочих к восстанию, к революции.

Еще в 70-х годах часть русской интеллигенции, видя, как царское самодержавие и помещики ограбили крестьян, сочувствуя крестьянским страданиям, пыталась объединить и поднять крестьян

на борьбу за «землю и волю». Они известны под именем народников, их первая революционная организация сложилась в 1876 году и называлась «Земля и Воля». Вначале народники воздерживались от проповеди политической борьбы с самодержавием. Они надеялись произвести революцию с другого конца. Они думали, что путем изгнания и истребления властей на местах, путем прямого захвата помещичьих земель крестьяне уничтожат совсем государство, и на его месте вырастет союз вольных общин. В крестьянской общине, которую самодержавие оставило для удобства управлять крестьянами и собирать с них подати, народники видели первое зерно социализма. Свою деятельность они начали «хождением в народ». Они селились в деревнях, пытались заниматься крестьянским трудом, становились учителями, устраивались в больницах и старались заводить связи с крестьянами и просвещать их, прививать им свои мысли и призывать к революционным действиям.

Но из народнического хождения в народ и их проповедей вышло мало толку... Крестьяне их не понимали, не понимали, чего они хотят, и нередко выдавали их начальству. Хождение в народ, таким образом, оказалось бесплодным. Часть народников тогда решила начать прямую борьбу с самодержавием, чтобы добиться политической свободы и тогда уже начать проповедь социализма среди крестьян. Эти народники образовали но-

вую партию «Народной Воли» и по ее имени стали называться «народовольцами». Бороться с самодержавием—но как? Народных масс за партией «Народной Воли» не было, в ее организации входили небольшие кучки интеллигентов, студентов и отдельные рабочие. Но народовольцы думали, что путем казней высших правительственных чиновников, губернаторов, министров вплоть до самого царя им удастся свергнуть царское самодержавие или, по крайней мере, заставить его пойти на уступки народу. Казни членов правительства—это иначе называется революционный террор. Путем террора народовольцы рассчитывали добыть политическую свободу. Действительно, своими бомбами народовольцы навели немало страха на властей и на царя. Но единоборство между ними и правительством продолжалось недолго. В 1881 году они свершили казнь царя Александра II, которого помещики называли «освободителем», при котором в 1861 году, были, как мы видели, ограблены крестьяне. Казалось бы, после этой казни самодержавие должно было рухнуть. Произошло, однако, обратное, — правительство узнало, что за народовольцами нет народной массы, что это только кучка революционеров. Оно сумело арестовать лучших народовольцев и повесило их. Казнь царя народовольчество исчерпало свои силы и больше уже оправиться и продолжать борьбу с самодержавием не могло.

Таким образом ни хождение в народ, ни тер-

пор не пробудили крестьян и не сломали самодержавия. Значит оба пути были ошибочны. Надо было искать другой путь. Этот путь был найден на примере революционной борьбы в государствах Западной Европы. Там уже разрослось рабочее движение, и выросли социал-демократические партии. Некоторые из бывших «землеольцев» поняли, что они сделали крупную ошибку, не обратив должного внимания на возрастающий русский рабочий класс. Они поняли, что самодержавие можно свергнуть, только двинув против него на борьбу массы, организовав эти массы. Начать эту организацию надо с рабочих, более развитых, чем крестьяне, легче поддающихся объединению и социалистическому просвещению. Уже во времена народоольцев сами рабочие сумели создать большие союзы: «Южный Союз Русских Рабочих» и «Северный Союз Русских Рабочих», которым руководил рабочий-столяр Степан Халтурин. Народники не поддержали эти союзы, так как они рабочих не считали настоящей революционной силой, а правительство скоро разгромило эти союзы. Так вот, позднее, после разгрома партии «Народной Всли» некоторые из бывших народников поняли, что их отношение к рабочим было ошибкой. Эта группа бывших народников положила начало новому, социал-демократическому движению в России. Она образовалась за границей и назвалась «Группой Освобождения Труда»--вождем и основателем ее

был Г. В. Плеханов. Скоро группе удалось завязать связи с Россией. Путем печати,—книжек, газет, журналов, которые печатались за границей и переправлялись в Россию,—она начала проповедь социал-демократического учения в России. Здесь, между прочим, все больше выросло и крепло рабочее движение—из рабочих стали образовываться первые социал-демократические кружки. Несмотря на аресты и разгромы, кружки множились, росли численно и стали объединяться в «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса». Первый такой союз образовался в Петербурге,—его вождем и руководителем стал молодой тов. Ленин. В 1898 году удалось созвать в России первый социал-демократический съезд, который объявил о создании «Российской Социал-демократической партии», выпустил свой революционный манифест и выбрал Центральный Комитет партии. В манифесте, между прочим, были следующие строки: «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия... На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Значит еще тогда, за семь лет до революции социал-демократы предвидели, что в России буржуазия не будет вождем революции, как это было в английской и французской революциях. И не будет именно потому, что в России уже имеется сильный рабочий класс, который бо-

рется не только против самодержавия, но и против капитала за социализм. Боясь рабочего класса, буржуазия не решится на серьезную борьбу с самодержавием и в решительный момент революции предаст народ. Это и произошло на деле в 1905 г.

После первого съезда полиции удалось арестовать Центральный Комитет и разгромить местные комитеты социал-демократов. Но эти аресты не остановили социал-демократического движения. В декабре 1900 года выходит за границей первый номер социал-демократической газеты «Искра», основателем и главным руководителем которой был тов. Ленин. «Искра» очень много сделала для роста и укрепления революционной социал-демократической партии. В первом же номере тов. Ленин писал: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость (самодержавие и т. д.), из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного». Вот эту задачу — создать мощную партию — прекрасно под руководством Ленина сумела выполнить «Искра». Летом 1903 года за границей собрался второй съезд соц.-дем. партии. На нем присутствовали делегаты от 36 российских местных с.-д. комитетов. Значит к этому времени с.-д. уже

составляли немалую силу. На этом именно съезде произошел раскол молодой партии. После этого съезда появились в России большевики и меньшевики. Теперь, почитай, каждый крестьянин знает, что такое большевик и что такое меньшевик, и последнего называют или соглашателем или социал-предателем. А тогда многим и образованным людям показалось непонятным, почему произошел раскол. Но Ленин прекрасно понимал, зачем это нужно,—он уже тогда в меньшевиках увидел будущих буржуазных прихвостней. На съезде меньшевики требовали, чтобы в партию был открыт широкий доступ интеллигенции: пусть они (интеллигенты) в организацию не входят (это было опасно), но пусть сочувствуют и кое-чем помогают—этого достаточно, чтобы считать их членами партии. Так говорили меньшевики. Ленин, наоборот, требовал, чтобы членом партии считался только тот, кто входил и работал в местной партийной организации и подчинялся партийной дисциплине. На этом и произошел раскол. Вскоре, как мы увидим, перед революцией и в революции 1905 года меньшевики вполне обнаружили свою настоящую природу, о которой сейчас хорошо знают крестьяне и рабочие.

Ленин тогда уже прекрасно понимал, что, кроме рабочего класса, второй революционной силой является беднейшее крестьянство. В 1903 году он специально для крестьян написал книжку — «К деревенской бедноте». В этой книжке он

доказывал крестьянину, что ему для борьбы с царем и помещиками «нужен крепкий союз с городскими рабочими».

После съезда социал-демократии большевики повели деятельную подготовку рабочих к революции. Через рабочих они заводили связи и с крестьянством, но, к сожалению, до революции многого в этом сделать не успели.

Стало быть, наша рабоче-крестьянская революция являлась неизбежным следствием хозяйственного и общественного развития России. Рост фабрик и заводов, рост капитализма в России создал и усилил новый класс—класс рабочих, пролетариев, не имеющих у себя ничего, кроме рабочих рук. Этот класс работал и жил в ужасных условиях полунищеты и капиталистического гнета. Из него выковывалась первая движущая сила грядущей революции.

Тот же капитализм, рост торгового капитала в деревне вместе с помещичьим гнетом разорял крестьянство, создавал из них, с одной стороны, небольшой слой кулаков-богатеев, а с другой—огромную массу крестьянской бедноты, которая также неизбежно должна была в решительной борьбе с помещиками, кулаками и самодержавием искать выхода из своего бедственного положения. В крестьянской массе заключалась другая движущая сила революции.

Самодержавие, правительство помещиков и

крупных капиталистов своей грабительской политикой в отношении крестьян и рабочих из России сделало отсталую страну, страну нищеты и голода. Русско-японская война, о которой мы сейчас скажем, показала, что под пятой самодержавия императорская Россия оказалась великаном на глиняных ногах.

Чтобы страна могла развиваться дальше хозяйственно и культурно, надо было сбросить самодержавие, нужна была революция. Эту революцию могли произвести рабочие и крестьяне. Успех революции зависел от их дружного, совместного выступления на бой с самодержавием, помещиками и капиталистами. За союз рабочих и крестьян ратовала партия социал-демократов большевиков.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.

Русско-японская война ускорила наступление революции 1905 г. Она во всей наготе показала крестьянам и рабочим грабительскую, противонародную природу самодержавия. Война началась исключительно в интересах небольшой кучки крупных капиталистов, крупных царских чиновников, великих князей и помещиков. Насильническим путем царское правительство захватило у Китая Манчжурию и хотело захватить другую страну Дальнего Востока—Корею, где адмирал Алексеев, генерал Безобразов и некоторые из великих князей завели прибыльные торговые пред-

приятия с лесом. Здесь грабительские планы царской шайки столкнулись с другими грабительскими планами—японской буржуазии. На требование Японии, чтобы царские хищники оставили в покое Корею, царское правительство ответило отказом, хотя прекрасно знало, что наш отказ вызовет войну. Царское правительство надеялось, что сотнями тысяч «серой скотинки» оно затопит Дальний Восток и в войне уничтожит небольшую по размерам Японию. К тому же, и сама война для царской шайки, капиталистов, великих князей и помещиков являлась очень выгодным делом: на одних подрядах и поставках в армию эта шайка могла нажать многие миллионы рублей. Царское правительство хотело войны с Японией, и оно добилось этой войны. 23 янв. (5 февр. нов. ст.) 1904 года война началась. Но самодержавие жестоко ошиблось в своих расчетах на легкую победу—оказалось совсем наоборот. Огромная русская армия, плохо подготовленная к войне, скверно вооруженная, голодная, руководимая бездарными генералами, терпела одно поражение за другим от менее численной, но прекрасно, по новейшей военной технике вооруженной японской армии. В начале 1905 года (по нов. стилю) японцами была взята крепость Порт-Артур—главный оплот самодержавного империализма (грабежа) на Дальнем Востоке. Это поражение царского самодержавия совпало с его «победой» на внутреннем фронте: 9 января (22 января нов. стиля) «лихими»

гвардейцами и казаками были расстреляны петербургские рабочие. 9 января, как мы увидим, явилось началом революции. Царское самодержавие чувствовало, что для успешной борьбы с назревающей революцией необходима победа в войне. Эта победа могла быть решена на море. Правительство собирает весь свой флот вплоть до самых старых и никуда негодных судов и под командой адмирала Рождественского посылает его в азиатские воды. Здесь в знаменитом Цусимском проливе этот флот был частью потоплен, частью взят в плен японцами. Это был такой удар, после которого продолжать войну самодержавие не могло. Царь поспешил заключить с Японией мир, чтобы развязать себе руки для борьбы с нараставшей революцией.

Партия социал-демократов большевиков с самого начала оценила войну как грабительскую. В многочисленных прокламациях (листочках) большевики разъясняли рабочим и крестьянам грабительский характер войны и звали массы к борьбе с самодержавием, к революции. Так, обращаясь к крестьянам, с самого начала войны Харьковский комитет соц.-демократов говорил: «Крестьяне! Мы не хотим войны! Мы требуем скорейшего заключения мира!.. Враги наши не японцы, а те, кто заставляет нас страдать и голодать, кто пьет нашу кровь: русский царь и его министры!.. Долой войну! Долой царское самодержавие! Да здравствует братство народов!».

После падения Порт-Артура тов. Ленин писал: ...«Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция (сдача. И. Ф.) Порт-Артура есть пролог (начало. И. Ф.) сдачи царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятное брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу»¹⁾.

Таким образом и тогда в 1904—1905 годах, как и в последней мировой войне, Ленин был «пораженцем», то - есть стоял за поражение царского самодержавия в войне, так как это поражение облегчало победу революции рабочих и крестьян над тем же самодержавием.

Оценивая значение русско-японской войны для пробуждения и роста революционного сознания народных масс, Ленин писал в той же статье: «Войны ведутся теперь народами, и потому особенно ярко выступает в настоящее время великое свойство войны: разоблачение на деле, перед глазами десятков миллионов людей того несоответствия между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшинству... Невозможность жить при самодер-

---

¹⁾ Статья Л е н и н а—„Падение Порт-Артура“, напечатанная в газете „Вперед“ от 14 января 1905 г.

жавии чувствуется все более даже и теми, кто не знает, что значит самодержавие... Несовместимость самодержавия с интересами общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие. Своей глупой и преступной колониальной авантюрой (захватом Кореи. *И. Ф.*) самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценой разрушения царизма».

Действительно, в грабительской войне с Японией самодержавие перед всем народом разоблачило себя как правительство чуждое, враждебное народным интересам. Оно показало, что в интересах кучки прохвостов, стремящихся к наживе, оно способно бросить на смерть сотни тысяч крестьян и рабочих. Вместе с тем русско-японская война показала, что самодержавие не так уже сильно на деле, как это казалось раньше, что это воистину великан на глиняных ногах. В результате этой войны и поражений самодержавие пробудило к себе острую ненависть народа и, как говорил Ленин, «всеобщую веру в революцию». А «всеобщая вера в революцию,—добавлял он,— есть уже начало революции».

Это начало было положено революционным пробуждением петербургских рабочих 9 января (22 янв. нов. ст.) 1905 года.

ПЕРВЫЕ РАСКАТЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ГРОЗЫ.

9 января петербургские рабочие, с женами и детьми, со священником Гапоном во главе, с хоругвями, иконами и портретом царя пошли к Зимнему дворцу, чтобы подать царю петицию (просьбу) об улучшении их жизни. В этой петиции они писали:

«Государь! Мы, рабочие г. Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не принимают людей, к нам относятся, как к врагам. Мы и терпели бы, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук. И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просим. Мы желаем того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука»...

Рабочие по дороге к царю были встречены войсками, которые без всяких предупреждений стреляли в массы и рубили их шашками.

Что царь распорядился встретить рабочих свинцом и саблями, в этом ничего непонятного нет,

но требуется пояснить — как случилось, что рабочие пошли к царю с жалобами на капиталистов?

Мы писали выше о том, как рабочие при забастовках обращались за помощью к приставам и даже к наследнику престола. Конечно, это было давно, на первых порах рабочего движения. Рабочие потом убеждались, что все начальство от городовика до министра держит руку хозяев. Но в царя вера еще оставалась: «он не знает», «до него не доходит», «к нему не допускают»... Верили, что если б до него дошло, то все бы по-иному было. Когда среди рабочих начали свою деятельность социал-демократы, правительство не на шутку всполошилось. Наряду с арестами, тюрьмой и ссылкой полиция и охранка пытались бороться с влиянием социал-демократов и другим путем. Они сами стали объединять рабочих в особые союзы, сами непрочь были натравить рабочих на хозяев, только чтоб отвлечь их от «политики». Так, в Москве сначала, а затем и в других городах в 1902 г. возникают «общества взаимопомощи» рабочих, основанные начальником московской охранки Зубатовым. Это движение по имени его основателя и получило название «зубатовщины». Зачем вам бороться с самодержавием?—говорили зубатовцы: буржуи, вот ваши враги; посмотрите, в Европе нет самодержавия, а разве рабочим лучше живется? Зубатовщина на первых порах имела успех у рабочих и действительно наносила большой ущерб социал-де-

мократии. Но скоро само правительство вынуждено было одернуть ретивых охранников,—зубатовцы зарвались, дело дошло до забастовок, капиталисты потребовали у правительства прекратить эту «игру с огнем», и «зубатовщина» была закончена. В Петербурге она вновь воскресла под видом «гапоновщины». Священник Гапон, на манер зубатовских «обществ взаимопомощи», устроил «собрания русских фабрично-заводских рабочих». Целью этих организаций было также отвлечь рабочих от политики, и поэтому охранка и полиция не только не были против работы Гапона, но помогали ему. В гапоновские организации шли наиболее несознательные массы рабочих, но таких было еще много, и гапоновщина имела широкий и быстрый успех. Рабочие шли к Гапону вовсе не из-за его рясы,—они надеялись, что он поможет им улучшить жизнь, поддержит их против капиталистов. Когда начались забастовки, перед Гапоном встал вопрос: или идти с рабочими до конца или оставить их,—остановить рост забастовок не было возможности. Гапон избрал путь обращения к царю с петицией, Гапон решил повести рабочих к Зимнему дворцу.

Первая забастовка вспыхнула 3 января (16 янв. нов. ст.) на Путиловском заводе. Поводом к ней послужило увольнение четырех рабочих. Рабочие потребовали их обратного принятия на завод, и когда им было в этом отказано, завод с 12.000 рабочих встал. К забастовке путиловцев быстро

стали примыкать другие заводы, и скоро весь рабочий Петербург был охвачен забастовкой. Всюду устраивались рабочие собрания, на которых под руководством Гапона и гапоновцев сочинялась знаменитая петиция и собирались под ней подписи. Эти собрания и составление петиции происходили на глазах полиции, и она в них совершенно не вмешивалась: у правительства был свой план, — встретить рабочих расстрелом на пути к Зимнему дворцу и раз навсегда отбить у них охоту к бунтам. Так и было сделано в день 9 января: по приказу царя, рабочих встретили расстрелом. Стреляли всюду: и у Нарвских ворот, где путиловцев вел сам Гапон, и у мостов через Неву, и на самой Дворцовой площади перед царскими окнами, где не только стреляли, но и рубили, и во многих других местах. Точное число убитых и раненых неизвестно: хоронила трупы полиция и никого к ним не подпускала, но, по сведениям тогдашних газет, убитых и раненых было свыше тысячи человек.

Как рабочие ответили на расстрел? В первый момент они растерялись, не верили, что это в них стреляют. А затем со злобой на палачей, с проклятиями царю или разбегались или оборонялись булыжниками, выхваченными из мостовой, — другого оружия у них не было. Только на Васильевском острове, под руководством социал-демократов, толпа выстроила баррикады, кой-как вооружилась и вступила в бой с войсками, но силы

были слишком неравны,—баррикады были взяты и разбросаны войсками. И на другой и на третий день продолжались еще столкновения толпы с войсками и полицией. Петербург походил на город, взятый неприятелем.

Результаты 9 января хорошо выразил сам Гапон, уцелевший от расстрела и выпустивший на другой день воззвание. В этом воззвании он, обращаясь к рабочим, говорил:

«Зверь царь, его чиновники—казнокрады и грабители народа сознательно захотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших зараз 300 рабочих, несших царские портреты, прострелили эти портреты и убили этим нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народу царю и всему змеинному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем!»¹⁾

Устами Гапона в этом воззвании, можно сказать, говорил весь петербургский рабочий класс. Действительно, 9 января была расстреляна вера самых отсталых рабочих в царя. Отныне уж никакая зубатовщина и гапоновщина не могли его отвлечь от единственно правильного революционного пути к освобождению. Социал-демокра-

¹⁾ Преследуемый полицией, Гапон бежал за границу, после царского манифеста вернулся в Россию и кончил тем, что поступил на службу в охранку. Изобличенный в этом, он был убит рабочими, бывшими его последователями.

тия, от которой он еще накануне кровавого воскресенья прятался под поповскую рясу, теперь стала его единственным вождем и руководителем.

Получив известие о петербургских событиях, Ленин писал: «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны. Революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».

Вот в этом, в революционном пробуждении рабочих масс основное значение 9 января. Это пробуждение охватило не только петербургских рабочих — оно охватило вскоре всю рабочую Россию, оно отозвалось и в крестьянстве.

И это пробуждение объединило рабочих в одном могучем крике: «К оружию! К революционному восстанию!».

РАБОЧИЕ ВСТУПАЮТ В БОЙ С САМОДЕРЖАВИЕМ.

Царский расстрел рабочих 9 января громким стозвучным эхом отозвался по всей России. Весна, лето и осень 1905 года вплоть до всеобщей забастовки в октябре наполнены все усиливающимся забастовочным движением рабочих. При этом рабочие наиболее сознательные, в тех местах, где социал-демократическая революционная работа была больше развита, в забастовках на первое место ставят политические требования вплоть до созыва Учредительного Собрания. Рабочие отсталые, незахваченные еще социал-демократической

агитацией, тоже бастуют, но требуют пока лишь улучшений в условиях работы,—уменьшения рабочего дня, увеличения заработной платы и т. д. Особенно горячо отозвались на петербургские события рабочие Польши (большая часть нынешней Польши тогда входила в состав Российской империи). В Варшаве, в Лодзи и в некоторых других местах рабочие не только забастовали под руководством социал-демократов, но и вышли на улицы и вступали с оружием в руках в настоящее сражения с полицией и войсками. Полиция и войска беспощадно расстреливали толпу—было больше 100 убитых.

В Москве забастовка началась на другой же день после 9 января и продолжалась больше недели, при чем бастовало свыше 40 тысяч рабочих. Волна забастовок прошла по Кавказу, по Югу России, по волжским городам. Из последних особенно важна была забастовка саратовских железнодорожников, которая положила начало всем железнодорожным забастовкам. Саратовская забастовка в управлении железной дороги началась 12 (25) января, и через неделю уже правительство вынуждено было пойти на уступки. Эта победа рабочих подняла боевой дух на других железных дорогах: 8 февраля забастовала Московско-Брянская дорога, затем Варшаво-Венская и ряд других.

После расстрела 9 января царское правительство увидело, что оно своей кровавой расправой не только не испугало рабочих, а наоборот под-

няло их революционный дух. Правительство само испугалось роста рабочего движения. В феврале, по царскому указу, была созвана особая комиссия, которая должна была под руководством сенатора (крупного чиновника) Шидловского «выяснить причины недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскать меры к устранению таковых в будущем»,—так говорилось в царском указе о комиссии.

К участию в этой комиссии были приглашены питерские рабочие, которым было предложено послать выборных от заводов и фабрик. Социал-демократы (большевики) знали, что из царской затеи ничего путного не выйдет, но все-таки призвали рабочих принять участие в выборах. Выборы эти должны были еще раз всколыхнуть рабочую массу и показать ей воочию, что через царя и правительство она ничего не добьется. А кроме того, выборы в комиссию помогли рабочим объединиться, организовать, помогли социал-демократам на собраниях выступать и просвещать самых отсталых рабочих. За время выборов в комиссию влияние социал-демократов сильно возросло: уже не гапоновцев, а социал-демократов охотно слушали рабочие. Рабочие принимали те требования, которые вносились социал-демократами. Эти требования и были предъявлены в комиссии Шидловского. Вышло, как предсказывали большевики. Царское правительство само испугалось своей затеи, увидев, что из нее вышло совсем не то, на

что оно рассчитывало, что рабочих обмануть не удастся. Едва комиссия собралась, едва рабочие депутаты комиссии (а среди них было много социал-демократов) предъявили свои требования, как новым указом царя комиссия была распущена.

Таким образом попытка самодержавия остановить рост забастовок, отвлечь рабочих от политики, — эта попытка позорно провалилась, и забастовочное движение стало безостановочно расти дальше, захватывая даже самых отсталых рабочих. Так, весной начинают бастовать в разных городах булочники, пекаря, парикмахеры, грузчики, судорабочие, извозчики, курьеры и, наконец, даже наиболее отсталая — домашняя прислуга. В апреле в Тифлисе забастовала вся домашняя и ресторанный прислуга (кухарки, лакеи и т. д.) числом до 5 тысяч; такая же забастовка была в Баку, Киеве и др. городах.

Даже просто перечислить тогдашние забастовки нет возможности. Они постепенно охватывали всю Россию, брызги забастовочных волн попадали в самые глухие места. Как огонь по сухим ветвям и листьям, охватывает все дерево, так и забастовки, то утихая, то поднимаясь снова, захватывали всю рабочую Россию. Далеко не везде и не сразу рабочие, выступая против хозяев, понимали, что главный враг их — самодержавное правительство. Но постепенно эта мысль овладевает умами рабочих масс. Само правительство арестами, расстрелами, преследованиями забастовщиков

учит отсталых рабочих понимать, что без политики, без борьбы с самодержавием никак нельзя обойтись. В этом смысле особенно важна и показательна забастовка иваново-вознесенских рабочих, начавшаяся 25 мая и закончившаяся только 1 августа. Такой долгой и упорной забастовки до тех пор не знала еще Россия.

Вот как описывает рабочий очевидец начало Иваново-Вознесенской забастовки:

«Утром 26 мая в рабочих домах пусто. Весь народ на Воздвиженской площади. Здесь, сколько глаз охватит, волнуется море голов. В здании городской управы, возвышающемся над толпой, заседают комитеты во главе с губернатором и другими властями. В бинокли со страхом и недоумением смотрят они на толпу, на которую они привыкли смотреть, как на бессловесный скот, создающий им светлую и роскошную жизнь. А теперь пред ними грозная, могучая сила, требующая себе человеческой жизни. «Да здравствует борьба за лучшую жизнь! Нам не на кого надеяться, кроме как на самих себя. Все за каждого, каждый за всех!»— вот что с горящими глазами кричит-гудит многотысячная толпа. Один за другим товарищи-ораторы в горячих речах обличают буржуазию. И толпа то злобно сжимает кулаки, то слезы брызжут у нее из глаз, когда оратор вспоминает про каторжную жизнь пролетария»...

Эти огромные рабочие собрания происходили ежедневно сначала в городе, затем за городом на

реке Талке. Для сношений с капиталистами и властями в самом начале забастовки были избраны на фабриках и заводах особые депутаты, которых оказалось до 150 человек, — они составили вместе первый в России Совет Рабочих Депутатов. Всю свою работу Совет проводил под руководством местной организации социал-демократов большевиков. Тогда иваново-вознесенские рабочие не знали, что они создают первую рабочую организацию—Совет, которой суждено потом стать общегосударственной властью рабочих и крестьян. Совет выработал 26 различных требований, в числе которых, кроме требований экономических (об улучшении условий рабочего труда), как - то: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы и других, были требования и политические, как свобода собраний, слова и печати, свобода союзов и забастовок и немедленный созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Потом политические требования были выделены и, покрытые многочисленными подписями, отправлены министру внутренних дел. В голосовании этих требований участвовало свыше 50 тысяч рабочих и ремесленников. Хозяева фабрик отказались даже рассматривать требования и разговаривать с депутатами и предложили по каждой фабрике в отдельности вести переговоры. Рабочие на это не пошли, и забастовка продолжалась.

Для поддержания порядка рабочие устроили

свою милицию; по требованию Совета Депутатов, губернатор закрыл казенки.

В рабочие собрания и в забастовку губернатор сначала не вмешивался. Но 15 июня по городу появились объявления, запрещавшие рабочие собрания на р. Талке ввиду их «политического характера». Действительно, для рабочих эти собрания были настоящим политическим университетом. Здесь ежедневно выступали социал-демократические ораторы и просвещали рабочих о жизни их братьев за границей, о том, что такое и кому нужно самодержавие, о социализме и так далее. 16 июля на р. Талке рабочих ожидали казаки и солдаты, напавшие на рабочее собрание. Забастовщики были обращены в бегство, было очень много раненых и до 30 чел. убитых. В тот же день в отместку за нападение рабочие подожгли одну ткацкую фабрику и не давали пожарным ее тушить. Опять прискакали казаки, и опять начались избиения.

Эти нападения царской своры, однако, не сломили рабочих. Забастовка продолжалась. Она была побеждена лишь страшной нуждой, голодом, который постиг рабочие семьи. Этот голод заставил рабочих 1 августа стать на работы на старых условиях. Таким образом забастовка оказалась безуспешной, но геройская борьба иваново-вознесенцев не пропала даром. От этой забастовки рабочие многому научились,—они поняли, что без решительной борьбы против самодержавия не добьешься лучшей жизни. На примере

Иваново-Вознесенска многому научились и другие рабочие России.

Одновременно с Иваново-Вознесенском бастовали рабочие Лодзи, Одессы, Белостока, и здесь были пущены в ход войска, расстреливались рабочие. На расстрелы рабочие отвечали устройством баррикад,—революционная борьба все более разгоралась.

Перебрасываясь из одного города в другой с небольшими перерывами, забастовочные волны захлестывали Россию. Начавшись с Петербурга и Москвы, они докатились до самых глухих углов страны. Осенью из центра России, из Москвы, поднялся новый, еще более могущественный забастовочный вал, поднявший всю страну. Волна грозила снести царское самодержавие, и вынудила царское правительство пойти на уступки и объявить с «высоты престола» «возлюбленному народу» манифест о разных «свободах».

Этот вал—всеобщая забастовка в октябре 1905 г. О ней мы расскажем ниже, а сейчас посмотрим, как рабочее движение отразилось на других классах населения. Перейдем прежде всего к крестьянству.

КРЕСТЬЯНСКАЯ БОРЬБА С ПОМЕЩИКАМИ И ЦАРСКИМ САМОДЕРЖАВИЕМ.

Крестьянское движение в 1902 году было подавлено царскими войсками и залито крестьянской кровью. Крестьянство снова «успокоилось». Но это «успокоение» не могло долго продолжаться.

Причины, которые толкали крестьян к восстанию за землю, не только не пропали, а продолжали действовать еще сильнее. Эти причины были не в агитации революционеров, чем старалось самодержавие объяснить движение крестьян, а в том безвыходном положении крестьянского хозяйства, в котором оно оказалось благодаря крестьянскому малоземелью и повышению арендной платы за землю.

Напуганное ростом рабочего движения и начавшимися снова крестьянскими волнениями, самодержавие указом от 18 февраля (4 марта нов. ст.) предоставило населению право подавать правительству петиции (просьбы) с изложением своих нужд. Этим правом в значительной мере воспользовались крестьяне, начавшие составлять общественные приговоры о своих нуждах и отправлять эти приговоры или прямо царю или в комитет министров. В этих приговорах очень ярко отразились бедственные нужды крестьян и главные их причины. Крестьяне Бобровского уезда, Воронежской губ., в телеграмме, посланной царю, указывали на их безземелье и чрезмерно высокую арендную плату, которая за последние годы выросла с 7—8 рублей до 25—35 руб. в год за десятину. Крестьяне Балашовского уезда, Саратовской губ., указывая также на высокую арендную плату, поднятую помещиками до 20 руб. за десятину, писали в жалобе комитету министров: «Такую высокую плату земля оправдать не мо-

жет. Как нам жить дальше, чем платить подати и кормиться самим, мы не знаем». Крестьяне Елисаветградского у., Херсонской губ., в своем приговоре писали: «Главной причиной нашего обеднения и невежества является малоземелье и та высокая дань, которую взимают с нас помещики за одно позволение обрабатывать их землю»... Во многих случаях крестьяне указывали на то, что помещики предпочитают сдавать землю крупным арендаторам, а те в свою очередь по повышенной цене сдают ее крестьянам.

Таким образом безземелье и высокая арендная плата были важнейшими причинами крестьянского движения и в 1905 году. Но в этом же году появилось в деревне и новое движение, раньше не имевшее места здесь. Это — забастовочное движение батраков и малоземельных крестьян. Забастовочное движение развивалось в тех районах, где развилось и окрепло капиталистическое земельное хозяйство: в прибалтийских губерниях и в Юго-Западном крае. Здесь положение крестьянства мало чем отличалось от положения рабочих вообще. Крестьянство жило главным образом работой в крупных экономах, и ему важно было не понижение аренды, а повышение заработной платы.

Бедственное положение крестьян во время русско-японской войны еще ухудшилось. Подати стали выколачиваться с особенной силой, — царскому правительству нужны были деньги на войну.

Подорожали товары, по мобилизациям у крестьян забирали лучших работников и лучших лошадей. Все это ускорило наступление новых крестьянских восстаний. К тому же, в деревню дошли слухи и о расстреле рабочих 9 января,—ведь немало рабочих было связано с деревней.

Восстания начались в конце февраля 1905 года в Курской губ. и отсюда перебросились в Орловскую и Черниговскую губ. Одновременно развивается крестьянское движение на Кавказе (в Кутаисской и Тифлисской губ.), в прибалтийских губ. и в польских. В марте крестьянское движение разлилось с разной силой и в разных видах по всей Европейской России. В разных местах, в зависимости от местных условий, крестьянские выступления выражались по-разному. Так, в Курской, Орловской, Черниговской и других губерниях крестьяне громили помещичьи имения, забирали хлеб, угоняли скот и делили между собой, а усадьбы помещиков и управляющих имений сжигали, громили и сахарные заводы. В поволжских губерниях, где к лету 1905 г. был неурожай трав и хлеба, крестьяне захватывали луга и выпасы, самовольно косили травы, овес и хлеб. В местностях, где у крестьян мало было своего леса, они начинали рубить помещичий лес. В ряде губерний крестьяне отказывались подписывать арендные договоры и самовольно запахивали помещичью землю.

Помещики, испуганные крестьянским движением, бросали свои усадьбы на произвол судьбы

и бежали в города. Бежали даже из тех губерний, где еще погромов не было, но куда лишь доходили слухи о погромах.

Движение так быстро развивалось, что правительство не успевало для предупреждения погромов высылать свои войска, да и войск, пригодных для усмирения крестьян, в руках самодержавия оставалось мало, и отряды казаков или драгун являлись лишь после разгромов для расправ с восставшими крестьянами.

В большинстве местностей крестьянское движение в 1905 году возникало само собой, без всякой подготовки и участия в нем революционных партий. Страшная нужда толкала крестьян без всякой агитации к восстанию против помещиков. Восставали и быстро организовывались для погромов и земельных захватов по несколько деревень, дружно громили, дружно делили захваченный помещичий хлеб и помещичье добро. Но в этих восстаниях, как и в движениях 1902 года, был один существенный недостаток: у восставших крестьян не было ясных целей восстания, не было понимания того, каким путем можно выбиться из положения гнета, голода и нищеты, не было понимания того, что их нищета зависит не от отдельного помещика, а от класса помещиков в целом, от помещичьего государства, возглавляемого царским самодержавием. Поджигая помещичьи усадьбы, крестьяне думали, что они таким образом выкурят помещика с насиженного гнез-

да, что он к ним больше не вернется, и, конечно, жестоко ошиблись: помещик возвращался с казаками и полицией и вымещал на крестьянах и свою злобу и свои убытки от погрома.

Только движение крестьян Гурийского уезда, Тифлисской губ., отличалось высокой революционной сознательностью. Здесь давно работали социал-демократические организации, сумевшие объединить и прояснить революционное сознание гурийских крестьян. Гурийцы в 1905 г. не только отобрали земли у помещиков, но и всюду изгнали власти, обезоружили полицию, ввели свое выборное управление. В 1905 году царское правительство ничего не могло поделать с восстанием гурийцев, и только в 1906 году, после разгрома революции в городах России, царское войско генерала Алиханова захватило революционную Гурию и в крови крестьян затопило их народное управление.

Также более организованный характер крестьянское движение носило в Юго-Западном крае (Подольская, Волынская и др. губ.) и особенно в Прибалтийском крае. Здесь, под влиянием городских забастовок, развилось крестьянское и батрацкое забастовочное движение. В Подольской губ. в ряде экономий крестьяне дружно бастовали, требуя повышения заработной платы. Когда владельцы экономий хотели заменить бастующих крестьян пришлыми со стороны, крестьяне этих посторонних к работам не допускали, но вместе

с тем не допускали и никаких насилий и погромов, чтобы не дать повода полиции вмешаться и учинить над бастующими расправу. В забастовочном движении принимали участие не только все мужчины, но и женщины. Бастующие требовали повышения платы до 1 рубля в день для мужчины и 75 копеек женщине при 8-часовом рабочем дне. Почти вся Подольская губ., часть Волынской и Киевской губ. были охвачены крестьянско-батрацкими забастовками. В этих забастовках уже чувствовалась руководящая рука социал-демократов. Правда, большого успеха эти забастовки не имели: крестьяне, особенно безземельные, скоро вынуждены были из-за голода прекращать забастовки, но все движение имело огромное значение, оно сближало беднейшее крестьянство с рабочими города.

Еще сильнее развилось забастовочное движение в Прибалтийском крае. Здесь бастовали батраки, бастовали и мелкие арендаторы, требуя уменьшения арендной платы. Забастовочным движением батраков руководили латышские социал-демократы. Правительство наводнило Прибалтийский край войсками, но войска не могли остановить рост батрацких забастовок.

В общем, с января по апрель крестьянским движением было охвачено 85 уездов, а в летние месяцы—104 уезда. Но с особенной силой разлилось крестьянское движение осенью, когда оно совпало с подъемом рабочего движения.

К осени 1905 г. положение крестьян еще ухудшилось в связи с неурожаем. Особенно пострадали от неурожая Тульская, Рязанская, Пензенская, Саратовская и Воронежская губернии. Плох был урожай и в других губерниях среднечерноземной полосы. Царский манифест от 17 (30) октября не только ни в малейшей мере не удовлетворил крестьян, а, наоборот, страшно их озлобил. По словам тогдашних газет, крестьяне так, примерно, отзывались о манифесте: «Мы думали, нам земли прибавят, а тут на поди! И чего это господа радуются—оголтели! Свобода! Мы и так не крепостные!». Конечно, в этом крестьянском отзыве чувствуется еще недостаток, прямое отсутствие политического сознания крестьянина, не понимающего значения «свобод» для его собственных интересов. Но главное не в этом, а в том, что крестьянин схватил самую суть царского надувательства—в манифесте не было земли, без чего для крестьянина грош цена всяким свободам. Разочарованное царским манифестом, крестьянство снова стремится своими средствами овладеть помещичьей землей. В 1902 г. и в летние месяцы 1905 г. крестьяне еще часто ограничивались требованием понижения арендной платы на землю, луга и выпасы. Теперь же от этих требований они переходят к более решительному—отобранию земли от помещиков и монастырей. Поэтому они еще более решительно начинают жечь и громить помещичьи усадьбы.

В Саратовской губ., сплошь охваченной крестьянским восстанием, крестьяне выгоняют помещиков из усадеб вместе с семьями, разбирают и делят помещичий хлеб и имущество, уводят скот и часто поджигают постройки в имениях. Поджоги крестьяне объясняют по-своему, — помещик не сможет скоро вернуться, раз ему негде жить, и не приведет казаков, так как их негде будет разместить.

Из Саратовской губ. движение перебросилось в Самарскую, Симбирскую и Тамбовскую, в которой было разгромлено 130 имений. В Полтавской губ., где крестьяне имели большой опыт погромов в 1902 г. и помнили царскую расправу, они воздерживаются от погромов и применяют новый способ борьбы с помещиками — бойкот. Они не только сами перестают работать у помещиков, но снимают в имениях всех рабочих и даже прислугу. Помещики вынуждены были от бойкота бежать так же, как и от погромов.

В Черниговской и Могилевской губерниях крестьяне громили усадьбы, вырубали помещичьи леса и поголовно отказывались платить подати.

Невозможно перечислить всех мест и случаев крестьянских восстаний, охвативших осенью 1905 года свыше половины всех уездов России. В общем, за небольшой срок было сожжено свыше двух тысяч усадеб, а убытки только по 10 губерниям, где движение было наиболее сильным, исчислены в 29 милл. рублей. В одной Саратовской губ. убытки исчислялись в 9¹/₂ милл. руб.

В Юго-Западном крае (Подольская, Киевская губернии), как и летом, осенью 1905 года продолжалось широкое забастовочное движение, показавшее высокую степень крестьянской организованности. Здесь для проведения забастовок крестьяне организовывали забастовочные комитеты, строго следившие, чтобы во время забастовок не было пьянства, краж и беспорядков.

Правительство жестоко расправлялось с крестьянскими восстаниями. Такие усмирители, как Луженовский в Тамбовской губ. и ген. Сахаров— в Саратовской, надолго остались своими зверствами в памяти тамошних крестьян. Порка, расстрелы, убийства казаками, изнасилование женщин, ограбление крестьян—такими мерами самодержавие тушило пожар крестьянского восстания.

Но оно не привело крестьян к успеху не столько потому, что было задавлено правительством, сколько потому, что крестьянское движение этого времени не было еще освещено революционным сознанием крестьян. Поэтому и правительство могло с ним управиться при помощи солдат, тех же крестьян, одетых в мундиры и зараженных общей крестьянской темнотой. Только с лета 1905 г. революционные партии смогли направить свое внимание и свою работу в деревню. Партия социал-демократов большевиков одна из первых стремилась слить восстание крестьян в один мощный поток с восстанием рабочих и направить крестьянское движение не только против помещиков,

но и против главного помещичьего оплота и врага крестьян—царского самодержавия. Удалось это далеко не сразу. Можно даже сказать, что в 1905 г. это совсем не удалось, за немногими исключениями. Революционное сознание крестьян в то время было слабо развито. В этом, конечно, не вина крестьян. Если вспомнить, что петербургские, наиболее передовые рабочие, среди которых много работали социал-демократы, и те еще в январе 1905 года верили в царя и на царя надеялись, то что же можно спрашивать с темных крестьян, живущих в деревенской глуши? Ненависть крестьян к помещикам была велика, но крестьянин не понимал, что «выкурить» помещика с земли можно лишь одним путем: свергнув тот помещичий строй, который был опорой господства помещиков. Это понимание пришло позднее, когда огромные массы крестьянства в своей борьбе с помещиками столкнулись с царской розгой и нагайкой, с царской пулей, тюрьмой и ссылкой. Революционное сознание крестьянства пробуждалось постепенно и в результате работы, которую повели с лета 1905 года в деревне революционные партии: социал-демократы и социалисты-революционеры (эсеры). Летом 1906 года, когда снова вспыхнуло крестьянское движение, крестьянство было уже пропитано революционным стремлением—свергнуть самодержавие, но к этому времени царское правительство успело справиться с рабочими восстаниями, подавить революцию в го-

родах и оно без труда могло уже жестоко расправиться и с крестьянами.

Социал-демократы большевики еще весной заметили и оценили значение крестьянского движения. В апреле 1905 года за границей состоялся большевистский съезд, который вынес об отношении к крестьянству особую резолюцию (постановление). В этой резолюции говорилось: во-первых, о необходимости самой решительной поддержки крестьянских стремлений «вплоть до конфискации (захвата. *И. Ф.*) помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель»; во-вторых—о необходимости приступить к «немедленной организации революционных крестьянских комитетов, которые объединили бы крестьянские восстания в один мощный революционный поток. Дальше съезд постановил призвать крестьян и сельских рабочих к борьбе с самодержавием путем отказа от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и всех постановлений и приказаний правительства.

По мере своих сил большевики повели революционную работу в деревне, ставя главной задачей этой работы увязку крестьянского движения с революционной борьбой рабочих в городах. Но многого в этом направлении сделать не удалось: самодержавие разбило рабочих раньше, чем подошла к ним на помощь деревенская революция.

Другой революционной партией, работавшей среди крестьян, были тогда эсеры. Крестьяне сей-

час хорошо знают их как контр-революционную партию, стремившуюся вместе с буржуазией и помещиками свергнуть Советскую власть. А тогда, в 1905 году, в эсерах немногие видели будущих контр-революционеров, тогда на их знамени был написан призыв к борьбе «за землю и волю». Но и тогда более внимательный глаз за пышными словами мог уловить далеко нереволуционные дела. Правда, эсеры вели решительную борьбу с самодержавием, от партии «Народной Воли» они переняли террор против царских чиновников: в июле 1904 г. бомбой эсера Сазонова был убит министр внутренних дел Плеве, а в феврале 1905 г. эсер Каляев убил вел. князя Сергея Александровича, одного из главных виновников расстрела 9 января. Как будто искренне они хотели не только отнять землю у помещиков, но и построить сразу земельный крестьянский социализм (это у них называлась «социализация земли»). Но при всех этих пожеланиях и громких словах уже тогда эсеры обнаружили склонность к союзу с буржуазией, а под их «социализацией» нетрудно было заметить только поддержку богатого, зажиточного крестьянина (кулака) и полное невнимание к интересам бедноты. Все это с полной ясностью обнаружилось в 1917 г. Но пока было самодержавие, эсеры вели с ним революционную борьбу и старались вовлечь в эту борьбу крестьянство. Еще летом 1905 года среди крестьян и деревенской интеллигенции созрела мысль о необхо-

димости создания крестьянского союза. Московский губернатор Самарин попытался склонить крестьянские общества к составлению «верноподданнических» приговоров, направленных против растущего революционного движения. Из попытки губернатора вышел обратный результат: московские крестьяне в мае месяце собрались на съезд в Москве и постановили—образовать «Все-российский крестьянский союз» для борьбы с помещичьим и чиновничьим гнетом, который давит крестьянство. Это постановление было напечатано в газетах и было встречено сочувственно в других губерниях. В августе месяце состоялся учредительный съезд союза; на этом съезде от 22 губерний было свыше ста делегатов. Руководителями съезда были беспартийные буржуазные интеллигенты и эсеры. Пуще всего они боялись, как бы съезд не попал под влияние социал-демократов большевиков. Это им в значительной мере удалось, и поэтому, а также благодаря тому, что на съезде были главным образом зажиточные крестьяне, союз оказался очень умеренным в своих постановлениях. Он признал, что бороться с самодержавием нужно, но отказался призвать крестьян к восстанию, а посоветовал им лишь составлять общественные приговора, в которых требовать «улучшения народного благосостояния».

В ноябре собрался в Москве второй съезд крестьянского союза; на нем присутствовало 187 делегатов от 27 губерний. Этот съезд, проходивший

под большим влиянием эсеров, также не встал на крепкую революционную почву. Он не вынес твердого решения о захвате помещичьих и других земель крестьянами и не призвал крестьян к этому захвату.

Он не призвал крестьян к прямой и решительной борьбе с царским правительством, а только пригрозил, что в случае преследования союза правительством «союз ответит отказом в уплате податей и поставке рекрутов и запасных, потребует из сберегательных касс и банков все свои вклады и крестьянские капиталы и закроет все винные лавки». Только одно постановил съезд, это: ...«Прекратить употребление вина». Постановление, конечно, очень хорошее, но явно недостаточное, когда шел вопрос об исходе решительной схватки между народом и самодержавием.

Съезды и постановления крестьянского союза показывали незрелость революционного сознания крестьянства, поэтому союзом легко овладели буржуазные интеллигенты, а эсеры без большого сопротивления пошли на соглашение с ними.

Незрелость крестьянского революционного сознания отразилась и на армии, в подавляющем большинстве крестьянской.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОССТАНИЯ В АРМИИ.

Революционное движение рабочих и крестьян летом 1905 г. стало перекидываться и на армию. В армии, особенно среди запасных, отправляемых

на войну, то-и-дело возникают случаи неповиновения начальству, избиения офицеров, полиции, жандармов, военная дисциплина падает. Доходит дело до прямых отказов итти на войну. Так, отряд севастопольских моряков при отправке его на войну разбил казарму и с криками: «Долой войну! Долой самодержавие!»—выкинул красные флаги. Вызванные начальством солдаты отказались стрелять в матросов. В Либаве матросы отказались садиться на корабли, отправляемые под командой адмирала Небогатова против японцев. Матросы будто предвидели, что царские командиры поведут их к цусимской гибели. Только под угрозой пушек, выставленных против матросских казарм, матросы подчинились и отправились на смерть. Все чаще повторялись случаи отказа солдат стрелять в народ. Запасные, которых по пути на войну останавливали и гнали на усмирение восставших деревень, отказывались стрелять в своих братьев-крестьян. В Лодзи солдаты отказались стрелять в рабочих. В Варшаве тоже отказался стрелять в народ Литовский полк и встретил выстрелами казаков. Всюду, где солдаты вступают в общение с рабочими, они заражаются духом революции. Забастовочное движение захватило и казарму. В Усть-Двинской крепости забастовал гарнизон. Солдаты предъявили ряд требований: улучшение пищи, одежды, вежливого обращения, восьмичасового рабочего дня и свободы собраний.

Растерявшееся начальство часть требований удовлетворило.

Все охотнее и внимательнее прислушиваются солдаты к революционной агитации. В полках создаются и растут военно-революционные кружки, на солдатских собраниях выносятся резолюции с обещанием «примкнуть к восставшему на борьбу против преступного правительства крестьянину и рабочему и в решительный момент с оружием в руках перейти на сторону народа, восставшего на защиту своих святынь и справедливых требований» (из резолюции Рижского гарнизона). Все такие известия показывали, что армия как будто переставала быть крепким оплотом царского самодержавия. И, наконец, в июне месяце 1905 г. по всему миру прогремело знаменитое восстание самого большого военного судна Черноморского флота, броненосца «Потемкин-Таврический».

В 1905 году, как и позднее в революции 1917 г., матросы оказались в первых рядах революционных борцов. Объясняется это тем, что матрос больше развит, чем сухопутный солдат, среди матросов большой процент городских рабочих, успевших еще на заводах получить революционную подготовку. Задолго до восстания «Потемкина» на судах Черноморского флота были образованы социал-демократические кружки, и велась революционная агитация. Флот готовился к восстанию, но восстание «Потемкина» произошло

преждевременно и неожиданно. Толчком к нему явилось нежелание матросов есть гнилое и червивое мясо. Вот как рассказывает о начале восстания матрос Афанасий Матюшенко, ставший вождем и руководителем «потемкинцев»: «...Командир спрашивает: «Ребята, отчего вы не кушаете борщу?». В толпе матросов отвечают: «Кушай сам, а мы будем кушать воду и хлеб». Голиков (фамилия командира. *И. Ф.*) приказал бить сбор. Забили тревогу. Команда — все, как один человек — вышла на палубу и стала во фронт. Скомандовав «смирно», командир обратился к команде с такой речью: «Я неоднократно говорил, что такие беспорядки на военном корабле недопустимы: за это вешают вашего брата. Ребята, кто хочет кушать борщ, выйди сюда!». Боцман и некоторые унтер-офицеры вышли. Командир, видя, что команда стоит на месте, скомандовал: «Каравул наверх!». Через минуту караул стал на место. Команда струсила и вся перешла в кучу к башне... Команда стояла бледная и страшно напряженная. Старший офицер кричит: «Боцман, давай брезент!». Это для того, чтобы накрыть брезентом команду и по ней стрелять. Тут раздается крик: «Братцы, что они делают! Забирай винтовки и патроны, бей их, хамов!»...

Этот крик и послужил сигналом к восстанию. Семь офицеров, в том числе командир и старший офицер, были убиты и выброшены за борт, остальных офицеров арестовали.

Все это произошло недалеко от Одессы, на Тендровском острове. После расправы с офицерами, «Потемкин» пошел к Одессе, управляемый комиссией, выбранной матросами.

Приход восставшего корабля в Одессу произвел среди рабочих города огромное впечатление. Одесса в это время переживала дни всеобщей забастовки, на улицах происходили кровавые схватки с казаками. В порту, где собралась масса рабочих, было много ящиков с водкой и вином. На эти ящики набросились босяки, натравленные полицией. Начался разгром; кто-то к вечеру поджег дома, окружавшие порт. По приказу губернатора, порт был окружен войсками, и по народу была открыта стрельба. На утро оказалось около 600 человек убитых рабочих. Озверевшие казаки продолжали и на утро следующего дня убивать безоружных рабочих. Чтобы прекратить эти убийства, «Потемкин» открыл стрельбу из своих орудий по городу, целясь в дом губернатора и театр, около которого расположилась царская артиллерия. Но, к сожалению, снаряды не попали в цель, и «потемкинцы», прекратив стрельбу, послали к губернатору депутатов с требованием прекратить избиения и убийства рабочих. Губернатор отказался разговаривать с матросскими депутатами. А в это время около Одессы показался весь Черноморский флот, вызванный на усмирение «Потемкина». Но вместо усмирения к «Потемкину» присоединился другой броненосец—«Георгий Победо-

носец», а остальные суда флота ушли от Одессы. Таким образом силы восставших матросов возросли. Но они не знали, что им делать,—ни хорошей организации у матросов, ни хорошего руководства не оказалось. На «Победоносце» против восстания повели агитацию сверхсрочные унтер-офицеры («шкуры», как их называли). Не будучи хорошо подготовленными к революции, матросы растерялись, пали духом, и в конце концов изменили «потемкинцам». Между тем, команда на «Потемкине», не зная, что делать дальше, тоже упала духом и постановила большинством ехать к румынским берегам, чтобы там спокойно решить, как поступить дальше. После долгих скитаний, не видя решительной революционной поддержки в России, «потемкинцы» сдались румынским властям.

Так кончилось знаменитое восстание славного революционного корабля. Несмотря на этот печальный конец, восстание «Потемкина» имело огромное значение для развития революции: оно показало, что лучшая часть армии не только не хочет сражаться за царское самодержавие, но готова пристать к народу против правительства. Восстание «потемкинцев» показало, что революция близка к решительному моменту — к вооруженной схватке народа с царем, к вооруженному восстанию. Но это же восстание показало и другую, слабую, сторону революции—ее недостаточную организованность, неумение использовать такие благоприятные моменты, как восстание гро-

мадного корабля, неумение руководить восстанием. Колебания среди восставших матросов, отказ солдат Одесского гарнизона присоединиться к ним, нерешительность солдат, сочувствующих революции, показали, что армия и флот в своем большинстве далеко не являются революционной силой. Революционным организациям, и прежде всего социал-демократам большевикам, понимавшим, что вооруженное восстание неизбежно, предстояло еще много-много поработать над революционным просвещением масс. Но в этой работе большевики натыкались на большие препятствия, чинимые трусостью и соглашательством меньшевиков и предательством буржуазии.

БУРЖУАЗИЯ ХОЧЕТ КОНСТИТУЦИИ И БОИТСЯ РЕВОЛЮЦИИ.

Предупреждая рабочих против измены и предательства буржуазии в революционной борьбе с самодержавием, Ленин писал: «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти». Буржуазия (фабриканты и заводчики, крупные домовладельцы и т. д.) и часть помещиков были недовольны царским самодержавием. Царское правительство показало полную неспособность вести войну. Военные поражения и вся преступная и глупая политика самодержавия внутри страны вели неизбежно к революции. А революции буржуазия боялась пуще всего: ведь восставшие народные массы могли посягнуть на доходы и

капиталы самой буржуазии, ведь крестьяне явно хотели захватить помещичью землю, а рабочие забастовки и так немало нанесли ущерба прибылям капиталистов. Буржуазия видела один способ предотвратить революцию: ограничить власть царского самодержавия, самой стать у власти и обмануть рабочих и крестьян небольшими подачками. Буржуазия хотела конституции. Вот, например, как писало харьковское земское собрание царю: указав сначала на самодержавный и чиновничий гнет и произвол, на несправие и разорение народа, земцы заявляют, что такой порядок дальше продолжаться не может. «Эти условия вызывают неизбежно грядущую грозу, и первые раскаты грома уже слышны. Эта гроза несет с собой опасность гражданской войны и ниспровержение трона. Государь, избавьте отечество от этих бедствий, пока еще не поздно». Чтобы избежать «гражданской войны и ниспровержения трона», то-есть настоящей рабоче-крестьянской революции, земцы (буржуазия и помещики) просят царя «выслушать голос русского народа (под этим «народом» земцы разумели буржуазию и помещиков) через посредство свободно избранных представителей и призвать их к участию в законодательстве». Так буржуазное земство просило царя о «даровании» конституции. А бакинские нефтепромышленники требовали у царского правительства «свободы слова, собраний, союзов и забастовок», потому что, не имея этих свобод, рабочие

часто бастуют и «приносят промышленности неисчислимыя убытки».

В июне месяце в Москве состоялся съезд представителей городов и земств. На этом съезде собрались, так сказать, сливки, вожди буржуазии. Съезд решил направить царю петицию (просьбу) о том же «даровании» конституции. Повезли эту петицию царю избранные съездом депутаты во главе с крупным помещиком князем Трубецким. Царь принял депутацию, выслушал речь Трубецкого и остался «доволен за выраженные депутатами чувства». Ленин назвал это посещение царя представителями буржуазии «первыми шагами буржуазного предательства». И действительно, здесь, за спиной у народа, который расстреливался и избивался казацкими нагайками, буржуазия вступила в открытый торг с самодержавием, она готова была предать и продать борющийся народ, лишь бы ей царь уступил кусочек власти. Царское правительство, напуганное ростом рабочего и крестьянского движения, решило пойти на «уступки». В марте месяце был обнародован царский указ о намерении царя созвать Думу из «народных» представителей, министру Булыгину было поручено выработать закон об этой Думе. В августе этот закон появился. Оказалось, что это новое учреждение не будет иметь никаких законодательных прав, оно будет лишь давать «советы», которые царь волен исполнять или не исполнять. Затем, самые «народные пред-

ставители» должны были избираться от помещиков и буржуазии да самых богатых крестьян,—огромная масса беднейшего крестьянства и городские рабочие были совсем лишены избирательных прав. Словом, этот закон был настоящим издевательством над народом. Но буржуазия таким законом осталась довольна,—в Булыгинской Думе она увидела возможность устроить выгодную для себя сделку с царем. Правда, не вся буржуазия—ее левая часть, состоявшая из буржуазной интеллигенции (инженеры, адвокаты, профессора, врачи и т. д.), высказалась за отказ от участия в выборах в Булыгинскую Думу.

Эта левая часть буржуазии, буржуазная интеллигенция, интересы которой тесно связаны с интересами всей буржуазии, стала, по примеру рабочих, объединяться в союзы (союз профессоров, союз врачей, союз адвокатов, союз инженеров и др.), а затем все союзы составили одно общее объединение—«Союз союзов». В этот «Союз союзов» входили также и организации, близкие к рабочим и крестьянам, как, например, союз конторщиков, союз учителей, крестьянский союз, о котором мы говорили выше.

Объединяясь с этими союзами, буржуазная интеллигенция поступала очень хитро: она рассчитывала через них добиться влияния на рабочих и крестьян, овладеть революционным движением. И для этого господам профессорам, инженерам и адвокатам приходилось для видимости облекать-

ея в революционные одежды. Чтобы быть приятными народу, они высказывались за учредительное собрание, произносили лицемерно-революционные речи. Таким образом получалось, что когда их хозяева (буржуазия) сговаривались с царем, они старались надуть народ, отвлечь рабочих и крестьян от влияния зловредных социал-демократов большевиков, а паче всего—от вооруженного восстания, которое могло ниспровергнуть царский трон и перепутать всю мошенническую игру буржуазии. Рабочие единодушно, по призыву большевиков, на закон о выборах в Булыгинскую Думу ответили бойкотом Думы, решили сорвать выборы и путем вооруженного восстания добиться полной победы революции. «Союз союзов», чтобы не потерять вес в глазах рабочих, вынужден был тоже высказаться за бойкот. Удержалась ли бы на этом бойкоте буржуазная интеллигенция—неизвестно: Булыгинская Дума была сметена революцией. Эта же революция в дальнейшем своем ходе разоблачила и предательство буржуазной интеллигенции. До царского манифеста о свободах господ профессора и адвокаты высказывали всяческое уважение к красному знамени трудящихся, а потом, особенно после московского вооруженного восстания, это же красное знамя они стали поносить как «красную тряпку». Особенно много помогли рабочим и крестьянам в разоблачении буржуазного предательства социал-демократы большевики.

КАК СМОТРЕЛИ НА РЕВОЛЮЦИЮ БОЛЬШЕВИКИ.

Выше мы говорили, что на II съезде, в 1903 г., социал-демократы раскололись на две части: на большевиков и меньшевиков. После съезда раскол не только не был изжит, а, наоборот, все более углублялся. В 1903 г. меньшевики хотели включить в партию побольше интеллигенции (профессоров и адвокатов), не обязывая их входить в организацию и подчиняться партийной дисциплине, то-есть хотели их наделить всеми правами, не налагая обязанностей. А в 1905 году, уже во время развития революционной борьбы, меньшевики хотели и все революционное движение подчинить буржуазии. Они рассуждали так: революция в России буржуазная, по примеру английской, французской и германской революций, она приведет к власти буржуазию. Значит буржуазия и должна стоять во главе движения, не надо ее пугать слишком большой революционностью, слишком большими требованиями, а, наоборот, рабочий класс должен ее поддержать. Крестьянство меньшевики совсем скидывали со счетов революции как темное и невежественное, неспособное к революционной борьбе.

С такими взглядами на революцию большевики никак не могли согласиться. Действительно, говорили они, после этой революции у нас еще социализма не будет, собственность капиталистов не будет уничтожена, но, тем не менее, считать

нашу революцию буржуазной и предлагать рабочим только поддерживать буржуазию — значит изменять и рабочему классу и крестьянству. Российская буржуазия — доказывали большевики — отнюдь не революционна, она больше самодержавия боится революционной борьбы рабочих и крестьян, из-за этой боязни она пойдет на сделку с царем и поможет ему задушить революцию. Поэтому большевики не только не предлагали рабочим поддерживать буржуазию, а звали их к решительной борьбе и с самодержавием и с буржуазией. Как на единственного союзника рабочего в борьбе с самодержавием большевики указывали на крестьянство. Крестьянство, как и рабочие, заинтересовано в полной победе революции, в свержении самодержавия, так как без такой победы крестьянин не отнимет у помещика землю.

Значит в нашей революции есть две революционные силы — рабочие и крестьяне, поэтому и революцию эту можно назвать рабоче-крестьянской.

Каким же путем может победить революция? Меньшевики на этот вопрос путного ответа не давали. С одной стороны, они не прочь были поболтать и о вооруженном восстании, но лишь только речь заходила о необходимости вооружить и обучить обращению с оружием рабочих, подготовить боевые дружины для вооруженного восстания, как меньшевики кричали: караул! большевики губят революцию! Почему губят? Да потому, что вооруженного восстания рабочих и

крестьян, как огня, боится буржуазия. Подготовить вооруженное восстание—значит оттолкнуть от революции буржуазию, а этого меньшевики спокойно перенести не могли.

Большевики на поставленный вопрос давали точный и ясный ответ: революция может победить только через вооруженное восстание. Поэтому надо всеми мерами готовиться к восстанию: вооружать рабочих, объединять их в боевые дружины, учить владеть оружием, строить баррикады и т. д., точно знать, где и какие войска расположены, убеждать солдат перейти на сторону революции с оружием в руках, подготовить руководителей революционных боевых отрядов. Все эти и другие меры к подготовке вооруженного восстания проводили большевики, насколько это было в их силах.

Но вот допустим, что вооруженное восстание победило, самодержавие свергнуто,—кто должен стать у власти? Кто созывает учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, кто обеспечит в революции интересы рабочих и крестьян?—И на этот вопрос у меньшевиков ответа не было. Для победы над самодержавием они выдумали нелепый и несбыточный план, связанный с выборами в Булыгинскую Думу. Они предлагали не просто бойкотировать Думу и срывать выборные собрания—они звали рабочих устроить особые комитеты, которые бы провели от народа выборы уполномочен-

ных, а из этих уполномоченных составить местные самоуправления.

План этот никуда не годился потому, что никакое революционное самоуправление не могло существовать, раз не свергнуто самодержавие. Меньшевики мудрили и опять главным образом потому, что хотели увильнуть от необходимой подготовки вооруженного восстания из боязни испугнуть буржуазию.

Большевики и на второй вопрос давали точный и простой ответ: в случае свержения самодержавия должно быть немедленно образовано временное революционное правительство из крестьян и рабочих. Надо ли в этом правительстве участвовать социал-демократам? И вот на этот вопрос меньшевики, которые в 1917 году вошли в буржуазное временное правительство, враждебное рабочим и крестьянам, тогда, в 1905 году, когда шел вопрос о временном революционном правительстве, ответили—нет. Почему?—опять из-за той же боязни испугать буржуазию. «Помилуйте, — говорили они, — ведь такое правительство должно будет социализм вводить и на этом оно провалится, — ведь революция-то у нас буржуазная».

Большевики, наоборот, отстаивали обязательное вхождение в революционное правительство, потому что только по-настоящему революционное рабоче-крестьянское правительство способно с корнем вырвать самодержавие и учредить демо-

кратическую республику, наиболее выгодную крестьянам и рабочим.

Как видно из всего изложенного, разногласия между большевиками и меньшевиками были чрезвычайно велики. В апреле 1905 года собрался третий съезд социал-демократов. На этом съезде меньшевиков оказалось немного, и они, чтобы не подчиняться большевистским решениям, совсем ушли со съезда и устроили особую конференцию (совещание).

Третий съезд большевиков громко сказал рабочим и крестьянам, что путь революционной победы лежит только через вооруженное восстание. Съезд предупредил рабочих и крестьян в неизбежном предательстве и измене буржуазии и буржуазной интеллигенции и призвал не верить буржуазным посулам. Съезд, наконец, указал, что успех революции может быть обеспечен лишь крепким революционным союзом рабочих и крестьян.

Весь последующий ход революции полностью оправдал и подтвердил правильность взглядов и постановлений третьего съезда большевиков.

ОКТЯБРЬСКАЯ ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА.

В течение всего лета 1905 года шли стычки между самодержавием и революционными силами страны. За это время у революции выростали первые, молочные зубы, которыми она больно, но не смертельно кусала самодержавие. А это

последнее то обнажало свои старые прогнившие клыки и злобно ляскало ими, то, трусливо поджимая хвост, шло на маленькие уступочки, надеясь ими предотвратить нарастающую революцию. Такой уступкой был указ о Булыгинской Думе, а затем правительство пошло на уступки и бастовавшим с января студентам высших учебных заведений. Оно предоставило высшим учебным заведениям автономию, т. е. самоуправление, сделав таким образом высшие учебные заведения недоступными для вмешательства полиции. Революция отвергла Булыгинскую Думу, зато полностью использовала вторую уступку. Осенью студенты вернулись в стены учебных заведений, но вместо того, чтобы предаться мирным занятиям, широко открыли двери учебных заведений для митингов. Сюда массой потекли рабочие, на месте профессоров оказались революционные агитаторы,—высшие учебные заведения стали центрами, где революция вербовала себе новые и новые силы.

Правительство не решалось взять свою уступку обратно, не решалось и закрыть учебные заведения. За него постарались сами профессора. Эти «борцы за свободу» перепугались успехов революции, и 21 сентября (4 окт. нов. ст.) после огромного митинга по их распоряжению был закрыт Московский университет. Но было уже поздно,—революционная волна поднималась все выше, она выхлестывалась на улицы.

В середине сентября в Москве началась забастовка некоторых типографий, где рабочие потребовали повышения расценок. 24 сент. (7 окт. нов. ст.) эта забастовка охватила все типографии. А на следующий день забастовали булочники, у которых произошли кровавые столкновения с войсками, забастовали и многие другие предприятия. Из Москвы забастовка перекинулась в Петербург, и здесь первыми забастовали печатники,—газеты перестали выходить. Напряженное состояние охватило все фабрики и заводы. Чувствовалось, что начинается не простая, обычная забастовка, а кое-что посерьезнее. 6 (19) октября забастовала Московско-Казанская железная дорога: и пассажирские и товарные поезда остановились. Дальше день за днем к забастовке присоединялись все новые и новые фабрики, заводы, железные дороги, забастовал трамвай, забастовали почта и телеграф. К 16 (29) октября бастовала вся Москва и весь Петербург; по телеграфу и железным дорогам во все концы России летели одни вести—о всеобщей забастовке, один призыв присоединиться к забастовке всем городам, и один за другим города присоединялись. Скоро забастовка охватила всю железнодорожную армию рабочих и служащих, весь телеграф и почту,—на огромном пространстве России жизнь приостановилась, питающий ее труд перестал действовать.

Самодержавное правительство растерялось. Оно вначале пыталось прибегнуть к помощи казаков,

войска, полиции. Шум избиений, треск винтовочных выстрелов, свист нагаек вновь огласили улицы многих городов: избивали и убивали в Одессе, где войска стреляли в народ без всякого предупреждения, в Харькове толпы рабочих и студентов от нападений войск защищались с оружием в руках на баррикадах, в Екатеринославе при нападении войск на безоружную толпу было убито 15 и ранено 26, кровавые столкновения происходили в Ревеле, в Риге и других городах.

Правительство скоро увидело, что эти меры бессильны против наступающего народа. Правительство пошло на уступки: 17 (30) октября появился царский манифест, объявивший о разных свободах и обещавший созыв законодательной Государственной Думы.

Получив известие об этом манифесте, Ленин писал: «Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не сдался. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьезной битве, но оно еще далеко не разбито, оно собирает все свои силы, а революционному народу остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы».

Ближайшие события, последовавшие за царским

манифестом, показали, как прав был Ленин. Сделав уступку, царское правительство на другой же день после манифеста перешло снова в наступление против революционного народа; по городам России пошла полоса черносотенных погромов. Революции пришлось и обороняться и готовиться к новому натиску на самодержавие. В центре этой подготовки к революционным боям встали новые организации рабочего класса—Советы Рабочих Депутатов.

СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Мы видели, как еще летом 1905 года во время забастовки иваново-вознесенских рабочих вырос первый Совет Рабочих Депутатов. Кто его выдумал?—Никто. Само рабочее движение создало нужную себе организацию. Так же было в Петербурге и в Москве. В самом начале всеобщей забастовки и здесь рабочие создали свои Советы. После Октябрьской революции Советы стали властью. А чем они были в 1905 году? Тогда они были зародышами рабочей власти. Они были созданы для того, чтобы руководить революционной борьбой рабочих в городах. В деревнях вместо Советов создавались, по призыву большевиков, революционные комитеты. Но их было немного, и они не имели того влияния, как рабочие Советы в городах. Крестьянство еще не успело как следует раскачаться и вступить в решительную борьбу с самодержавием,—поэтому

крестьянские советы не успели вырасти и охватить крестьянскую Россию.

Петербургский Совет Рабочих Депутатов послужил образцом для всех других советов. К его голосу прислушивались не только петербургские рабочие, но и вся революционная Россия. Поэтому мы о нем расскажем подробнее.

Петербургский Совет начал свою революционную работу 13 (26) октября и всего существовал 52 дня; составил он из выборных рабочих, по числу от 500 человек один депутат. На первых же заседаниях своих Совет решил предъявить ряд требований городской (буржуазной) Думе. Он потребовал, чтобы Дума снабдила продовольствием бастующих рабочих, он потребовал, чтобы Дума прекратила выдачу содержания для полиции и жандармов и взамен этого отпустила бы деньги на вооружение рабочих. Дума отказала Совету в исполнении этих требований: так буржуазия показала, что она боится рабочих, что она не хочет революционной борьбы с самодержавием и свержения царского правительства.

17 (30) октября появился царский манифест, а на другой же день царские гвардейцы нападали на толпы народа, вышедшие на улицы подышать воздухом объявленной царем «свободы». Гвардейцы рубили шашками, стреляли в народ и, по приказу министра Трепова, «патронов не жалели». Так начиналась «свободная» жизнь по царскому манифесту.

Совет рабочих, которым руководили социал-демократы, сразу определил настоящую цену царским обещаниям. Насчет царского манифеста Совет вынес постановление; в котором заявил, что «революционные рабочие не сложат оружия до тех пор, пока... не будет установлена демократическая республика». Он требовал полного устранения полиции, увода из города войск и создания народной милиции, освобождения всех политических заключенных из царских тюрем и т. д.; «для сохранения действительного народовластия в России,—говорил Совет,—необходим созыв Учредительного Собрания»... Для того, чтобы добиться исполнения своих требований, Совет постановил продолжать всеобщую забастовку.

Всеобщая забастовка в Петербурге была закончена 21 окт. (4 ноября). Совет прекратил ее, чтобы дать рабочим передохнуть и подготовиться к новым боям.

Во время всеобщей забастовки перестали выходить и газеты. Чтобы крепче связаться с населением города и оповещать население обо всем происходящем в России, Совет решил выпустить газету «Известия Совета Рабочих Депутатов». У Совета не было своей типографии. Рабочие захватывали буржуазные типографии и здесь печатали «Известия».

Почему царское правительство в течение 52 дней не арестовало Совет? Потому что боялось того, что за Советом стояли большие рабочие си-

лы; потому что по слову Совета закрывались фабрики и заводы, прекращалось движение поездов, переставал работать телеграф. Потому что Совет—это в глазах населения было «рабочее правительство». В то время как министры не могли без разрешения Совета отправить телеграмму губернаторам или получить поезд — и телеграф и железные дороги были целиком к услугам Совета. Не только рабочие, но и простые обыватели видели в Совете правительство, шли к нему с жалобами, исполняли его распоряжения.

Царское правительство не решалось арестовать Совет, пока не была разбита главная сила революции—рабочий класс.

В начале ноября (по нов. стилю) вспыхнуло восстание кронштадтских матросов. Царскому правительству удалось подавить это восстание при помощи погромных банд Ивана Кронштадтского (черносотенного попа) и темной части матросов. Восставшим матросам угрожал военно-полевой суд и смертную казнь. Совет постановил объявить всеобщую забастовку с требованием отмены полевых судов и смертной казни. Несмотря на усталость от прежних забастовок, рабочие Петербурга, как один, остановили работу 2 (15) ноября. Правительство через три дня пошло на уступки и заявило, что «полевым судом участники кронштадтских событий судимы не будут».

Вот такая сила была тогда у Совета и вот

почему царское правительство долго не решалось прибегнуть к аресту Совета.

Вслед за Петербургом во многих городах России (в Москве, Ростове, Одессе и др.) также образовались Советы рабочих депутатов. Кое-где в этих советах участвовали и солдатские депутаты, но их было немного: армия, как и крестьянство, всей массой не стала еще бок-о-бок с рабочим классом в борьбе с самодержавием.

НАСТУПЛЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ. ПОГРОМЫ. ОБОРОНА РЕВОЛЮЦИИ.

Скоро царское правительство показало, как прав был Ленин, когда предупреждал свою партию и рабочих в том, что самодержавие еще живо, что с ним предстоит трудная кровавая борьба. Под напором всеобщей забастовки правительство растерялось, но быстро пришло в себя и в свою очередь повело наступление против революции. Манифестом царь добился того, что буржуазия осталась довольна царскими обещаниями и повернулась спиной к народу. Рабочий класс один лицом к лицу очутился в борьбе с самодержавием. Только часть интеллигенции, студенчество, помогала ему в этой борьбе, да крестьянство продолжало жечь и громить помещичьи усадьбы.

Войска не везде были верны правительству: в большинстве своем они не перешли на сторону народа, но и неохотно расстреливали народ. Самодержавие находит себе опору в «черной сотне»:

лавочники, дворники, золоторотцы—весь этот темный сброд объединяется с попами и полицией, вооружается и, как свора цепных собак, спускается против революции. В городах начинается полоса черносотенных погромов. С криками: «Бей жидов! бей интеллигенцию! бей революционеров!», с диким пением царского гимна и погромной молитвы «Спаси, господи, люди»... толпы погромщиков добывают победу над народом «благоверному императору». Погромщики врываются в дома, грабят, насиляют женщин, убивают, истязают. Полиция им помогает и охраняет их, войска их не трогают, а в тех случаях, когда дружинники-революционеры дают отпор погромщикам, войска расстреливают дружинников. За одну только неделю после царского манифеста в 101 городе разразились погромы.

Погромная волна показала, что самодержавие не только не хочет идти на уступки революционным требованиям народа, а, наоборот, оно хочет разгромить революцию, затушить кровью народа революционный пожар. Революции приходилось обороняться, и надо было нанести новые сокрушительные удары царскому трону. Необходимость и неизбежность вооруженного восстания была ясно видна не только партии большевиков, которая указывала на это еще много раньше, но и широкие рабочие массы стали чувствовать и понимать, что без вооруженного боя с самодержавием обойтись никак нельзя.

Были ли рабочие массы подготовлены к вооруженному восстанию? На этот вопрос нельзя ответить утвердительно: оружия было очень мало, нехватало и боевой выучки. Но время в революции не ждет. Само правительство вызывало на вооруженный отпор, на вооруженное восстание. Так было в Севастополе, где к концу ноября (по нов. стилю) вспыхнуло восстание Черноморского флота. Оно было плохо подготовлено, не было хорошего руководства, началось преждевременно, но отсрочить его, остановить не было никакой возможности. Когда в сухой костер попадает зажженная спичка, он быстро вспыхивает ярким пламенем. У матросов Черноморского флота сохранилась память о восстании «Потемкина»; часть «потемкинцев» в это время, не оставшихся в Румынии и вернувшихся вместе с кораблем, выданным румынским правительством правительству России, закованные в кандалы сидели в пловучей каторге на судне «Прут». Призывы освободить их то-и-дело раздавались среди матросов. Революционное настроение матросов выросло быстрее, чем их революционное сознание. Это настроение захватывало и часть войск, — Брестский полк в большинстве своем был настроен революционно. Спичкой, от которой революционное настроение матросов перешло в пламя восстания, был следующий случай. — Роте матросов повели разгонять митинг рабочих. Офицер сказал роте, что ей придется стрелять. Матрос—

большевик Петров, услышав слова офицера, не стерпел, выстрелом из винтовки ранил этого офицера и убил другого. Петров был арестован, но матросы освободили его и обезоружили офицеров. Этот случай послужил началом Севастопольского восстания. К восстанию присоединились некоторые суда, в том числе и «Потемкин». Во главе восстания оказался бывший офицер флота лейтенант Шмидт: он принял на себя командование восставшим флотом. Восстание протекало вяло, нерешительно. Социал-демократическая организация не смогла взять руководство восстанием в свои руки,—она была еще слаба и не пользовалась большим влиянием в матросских массах. Была арестована только часть офицеров, а главное—восставшие не сумели использовать то революционное настроение, которое было у части солдат. Царским властям удалось ненадежные полки увести из Севастополя в лагеря, других умягчить кое-какими уступками, а затем подвести в Севастополь новые части, не затронутые революционной агитацией. Восставшие не успели как следует подготовиться к обороне, как были обстрелены крепостными пушками и артиллерией судов, не примкнувших к восстанию. Под обстрелом царских пушек они вынуждены были сдаться. Масса матросов было беспощадно расстреляно. Шмидт попал в плен и потом был тоже расстрелян.

Севастопольское восстание явилось началом, предвестником ряда других восстаний, в том числе

и самого упорного и опасного для царского самодержавия—Московского вооруженного восстания. Рабочий класс вступил в решительный бой. Буржуазия к этому времени стояла уже целиком на стороне царя и открыто радовалась подавлению Севастопольского восстания.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОДОЛЖАЕТ НАСТУПЛЕНИЕ. МОСКОВСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.

Разгромив Севастопольское восстание и ослабив силы революции черносотенными погромами, царское правительство почувствовало себя крепче и увереннее. Оно переходит в наступление и в столицах—в Москве и Петербурге. В этом наступлении царю приходит на помощь буржуазия. Когда рабочие попытались добиться восьмичасового дня, капиталисты-фабриканты и заводчики начали закрывать фабрики и заводы и выбрасывать рабочих на улицу. Первыми были закрыты казенные заводы. Свыше сотни тысяч рабочих остались без работы. Совет Рабочих Депутатов старался помочь безработным выдачей денежного пособия, но денег в распоряжении Совета было слишком недостаточно.

Безработица принесла рабочим нищету, голод, обессилила их и сделала малоспособными для продолжения решительной борьбы с самодержавием. Правительство прекрасно учло все эти обстоятельства и решило нанести удар вождю петербургских рабочих—Совету Депутатов. Удар был

нанесен не сразу. Правительство сначала хотело узнать силу Совета: 26 ноября (9 декабря) был арестован председатель Совета Хрусталева-Носарь. В ответ на этот арест Советом был выпущен знаменитый «финансовый» манифест. Обращаясь к рабочим, крестьянам и всему населению страны, Совет предлагал не давать правительству податей, вынимать вклады из сберегательных касс и требовать выплаты звонкой монетой, золотом же требовать выдачи и заработной платы. Кроме того, Совет доводил до сведения всего мира, что революционный народ отказывается признавать долги царского правительства за границей и отказывается уплачивать их. Как раз в это время царь вел переговоры о займе с немецкими и французскими банкирами,—Совет хотел затруднить и сорвать этот заем, при помощи которого правительство могло получить средства на подавление революции.

Через неделю правительство нанесло второй, уже куда более серьезный удар петербургским рабочим: 3 (16) декабря полиция, жандармы, казаки и гвардейцы окружили здание, где заседал Исполнительный Комитет Совета, и арестовали бывших там депутатов. От ареста уцелели немногие. Эти немногие (20—25 человек) решили продолжать работу Совета.

Они призвали петербургских рабочих ответить на арест депутатов всеобщей забастовкой. Забастовка была объявлена на 8 (21) декабря. Эта

декабрьская забастовка проходила уже не так дружно, как забастовки в октябре и ноябре. Рабочие были измучены в минувшей борьбе и безработицей. А кроме того, они понимали, что теперь вопрос идет не просто о забастовке, что забастовкой самодержавие уже не свалишь,— для этого нужно более сильное средство—вооруженное восстание. Но Петербург был наполнен тогда верными царскому правительству гвардейскими полками, и начать здесь восстание — значило обречь его на неудачу.

Центром революционной борьбы становится Москва. В то время как в Петербурге всеобщая забастовка клонится на убыль, в Москве эта забастовка переходит в вооруженное восстание. Московский Совет Рабочих Депутатов, объявляя всеобщую забастовку, знал, что из нее вырастет восстание. В Москве можно было надеяться и на успех восстания. Солдаты московских полков были в большой мере захвачены революционным брожением. С самого же начала забастовки начинаются столкновения с полицией, а потом с драгунами и казаками — единственной тогда царской опорой в Москве. Революционные боевые дружины, созданные еще накануне октябрьской забастовки, обезоруживают полицию, разбирают оружие в оружейных магазинах. Драгуны и казаки тоже разъезжают по улицам города и разгоняют митинги. Против них на Тверской улице вырастает первая баррикада: валятся телеграфные столбы,

ящики, извозчичы санки. Драгуны обстреляли эту баррикаду, несколько человек убили. После этого баррикады стали строиться по всей Москве.

А революционно настроенные солдаты? Какое они участие приняли в восстании? Здесь с солдатами произошло то же, что в Севастополе и в других местах. Революционные организации не умели, не смогли захватить их под свое руководство и повести за собой, а у самих солдат нехватило смелости выступить решительно за революцию. Солдаты колебались. В этих солдатских колебаниях сказывалось крестьянское непонимание смысла революционной борьбы городских рабочих, значения этой борьбы для самих крестьян. Колебаниями солдат воспользовалось начальство: оно разоружило наиболее ненадежные полки и заперло их в казармах. Других старалось ублажить разными мелкими уступками вплоть до снабжения их водкой и спаивания.

Усмирением восстания руководил московский губернатор генерал Дубасов. Против восставших рабочих, против баррикад и дружинников он пустил в ход, кроме драгун и пулеметов, артиллерию. Артиллерия стреляла прямо по улицам, по каждой толпе, не разбирая революционеров и просто обывателей. Так же поступали драгуны, казаки и та часть пехотных солдат, которых Дубасову удалось повести против восставших.

Дружинников—революционных стрелков было немного—не более 1.000 человек, но все москов-

ское население, возмущенное расстрелами пьяных драгун и артиллеристов, сочувствовало и помогало дружинникам. Их предупреждали о появлении войск, помогали им скрываться, строить баррикады. Даже дворники, обычные пособники полиции, и те помогали дружинникам. Вот благодаря этому-то всеобщему сочувствию, революционеры успешно отражали наскоки дубасовских войск. Дубасов вынужден был просить помощи из Петербурга. Ему был прислан «знаменитый» кровавым позором гвардейский Семеновский полк. С этого момента восстание идет на убыль: дружинники были измучены в неравной борьбе, так же измучено было расстрелами царских войск и московское население. Долше всех держалась Пресня с ее рабочим населением. Рабочие, девушки-работницы, дети—все помогали дружинникам. Пресня покрылась сплошь хорошо устроенными баррикадами. Но против артиллерии, которая стреляла со всех сторон, и Пресня не могла долго продержаться. От снарядов загорелись фабрики, дома: в огне и дыму Пресня сопротивлялась, но 17 (30) декабря и она была сломлена.

Московское восстание было разбито. Победители—палачи народа справляли свой кровавый пир. Начались жестокие расстрелы по малейшему подозрению. Особенно свирепо расправлялись семеновцы. Не только в Москве, но и по станциям московских железных дорог—они всюду несли смерть и ужас.

Свыше тысячи убитых и еще более раненых унесло Московское восстание, при этом большая часть убитых и раненых падала на случайных прохожих и обывателей. Сколько было убито солдат — осталось неизвестным; начальство это скрыло.

Поражение Московского восстания было поражением всей революции. В ряде других городов были также восстания — в Ростове, в Харькове, в Нижнем-Новгороде (в Сормове), в Новороссийске, где некоторое время держалась революционная власть, «Новороссийская Республика», в Красноярске и т. д. Но с падением революционной Москвы все восстания в провинции были подавлены, и всюду правительство жестоко расправлялось, мстило за свой страх перед революцией.

После разгрома Московского восстания меньшевики захныкали: «Не надо было братья за оружие», — говорили они. Совсем не так отнеслись к этому поражению большевики и Ленин. Ленин подробно разобрал причины московского поражения, он разобрал и слабые и сильные стороны восстания. Его слабой стороной являлась недостаточная подготовка, нерешительность, неумение использовать революционное настроение солдат, неумение наступать на врага, когда надо было именно наступать. Словом, как и во всех других восстаниях, надо было учесть самое важное: ре-

волюционные партии не сумели подгото-
вить массы к мысли о действитель-
ной неизбежности восстания и не суме-
ли организовать массы так, чтобы в решительный
момент они могли овладеть оружием: у восстав-
шей массы нехватало воли к победе, не было
уверенности в себе.

В этом в значительной мере были повинны
меньшевики, которые, как мы видели выше, боя-
лись вооруженного восстания не меньше, чем бур-
жуазия, и не только не помогали массам понять
неизбежность восстания, но всячески мешали в
этом партии большевиков.

Однако массовое восстание показало, что во-
оруженная борьба с царским правительством воз-
можна и может быть победной. Но для этого,
писал Ленин после Московского восстания, во-
оруженное восстание «должно быть по возможно-
сти единовременное. Массы должны знать, что
они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную
борьбу... Наступление на врага должно быть са-
мое энергичное; нападение, а не защита должно
стать лозунгом масс, беспощадное истребление
врага — станет их задачей. Организация борьбы
сложится подвижная и гибкая. Колеблющиеся ча-
сти войск будут втянуты в решительную борьбу.
Партия сознательного пролетариата должна вы-
полнить свой долг в этой великой борьбе».

Пророческие слова Ленина оправдались в Ок-
тябрьском восстании 1917 года. Это великое вос-

стание победило потому, что и партия и массы помнили кровавый урок московского поражения и действовали уже по-новому, по-ленински.

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛ ЦАРЬ?

После подавления Московского восстания и восстаний в других городах революция пошла на убыль. Измученный годичной борьбой с самодержавием и капиталистами рабочий класс не мог дальше с такой же силой продолжать эту борьбу. Самодержавие могло торжествовать свою победу.

Весной и летом 1906 года с новой силой поднялось крестьянское движение. За минувший год революции крестьяне многому научились, выросло их политическое сознание—сознание того, что без решительной борьбы с самодержавием не выкуришь с земли помещика. Весной 1906 года среди крестьян пробуждаются большие надежды на Государственную Думу: они надеются, что от Думы выйдет им земельная прирезка, что их депутаты добьются земли. Поэтому крестьяне с большим рвением готовились к думским выборам и старались посылать в Думу своих людей, способных постоять за крестьянские интересы. Но крестьяне еще очень слабо разбирались в партиях и партийных программах и выбирали в Думу людей, не считаясь с их партийностью. К тому же, левые партии (социал-демократы и эсеры) бойкотирова-

ли Думу, опасаясь, что она отвлечет народ от прямой революционной борьбы с самодержавием. Поэтому в число депутатов Думы от крестьян прошли и члены кадетской, буржуазной партии и беспартийные правые, то-есть сторонники царского самодержавия. Но тех и других было сравнительно немного, большинство крестьянских депутатов образовали в Думе группу трудовиков (102 чел.). Эта группа и отразила в Думе крестьянские стремления получить землю.

За время существования Думы крестьяне чрезвычайно интересуются думской деятельностью, речами депутатов Думы. За это время особенно сильно начинает вырастать политическое сознание крестьян. Крестьяне усиленно интересуются газетами, по селам и деревням идут многочисленные митинги, крестьяне сами ищут «ораторов», посылая за ними в город, кой-где устраиваются политические клубы крестьян, заметна новая большая тяга крестьян к организациям,—во многих уездах и губерниях созываются крестьянские съезды. Надежды на помощь Государственной Думы скоро исчезают в крестьянстве: крестьяне убеждаются в том, что думскими речами землю не добудешь и самодержавие не сломишь. Крестьянство убеждается, что правы были левые партии, призывавшие к прямой революционной борьбе с самодержавием, и особенно большевики, призывавшие крестьян к революционному союзу с рабочими.

Несмотря на жестокие расправы правительства в 1905 году, крестьянское движение, борьба крестьян с помещиками продолжается и в 1906 году, с той только разницей, что эта борьба носит более организованный, сознательный характер. Против карательных царских отрядов крестьяне в ряде мест выступают с вооруженным отпором. В ход идут топоры, вилы и даже железные бороны, из которых крестьяне устраивают баррикады против казацких и драгунских отрядов. Новыми поджогами помещичьих усадеб крестьяне мстят помещикам за царские расправы, у полиции крестьяне отбивают арестованных агитаторов.

Но особенно важно отметить то новое, что дало крестьянское движение в 1906 году. Это новое—большая крестьянская организованность, крестьянская выучка в борьбе, перенятая крестьянами от города. В той же Саратовской губ., где осенью 1905 года крестьянство сплошь громило помещиков, в 1906 году разлилась широкая волна забастовочного движения. То же самое в Тамбовской и в других соседних губерниях центральной черноземной полосы. Но эти крестьянские забастовки значительно отличаются от забастовок в Юго-Западном и Прибалтийском крае. Саратовские и тамбовские крестьяне забастовками хотели добиться не повышения заработной платы, а выжить помещика с земли,—поэтому они и запрашивали цены явно невыгодные для помещиков.

На-ряду с забастовочным движением сильно выросли в 1906 году порубки помещичьих лесов: порубочным движением был охвачен весь центральный промышленный и северный районы.

С разгоном Думы рухнули надежды крестьян на земельную прирезку, и движение крестьян еще усилилось, приобретая все больше политическую окраску. Во многих губерниях крестьяне перестали платить подати или платят очень мало. А к осени, когда начался набор новобранцев в армию, в некоторых губерниях (в Вятской, Вологодской и др., в Закавказьи) много новобранцев не явилось. В других губерниях новобранцы являлись с пением революционных песен, устраивали митинги, клялись «не бить рабочих и крестьян» и т. д.

В общем, крестьянское движение в 1906 году охватывало свыше половины всех уездов России; несмотря на жестокие расправы правительства, рост политического сознания крестьяне обнаружили при выборах во II Государственную Думу, куда послали своими депутатами почти исключительно левых (социал-демократов, эсеров и трудовиков). Но запоздавший подъем крестьянского революционного движения не мог уже сразить царского самодержавия. Подавив восстание в городах, царское правительство имело достаточно сил, чтобы сломить и крестьянское движение. Еще в 1907 г. пылали помещичьи имения, но царь уже торжествовал свою полную победу над революцией. Разогнав и II Государственную Думу, правитель-

ство изменило избирательный закон и в III Думе обеспечило безраздельное господство помещиков и крупной буржуазии.

Почему же первая рабоче-крестьянская революция, всколыхнувшая на борьбу с самодержавием огромные народные массы, закончилась поражением народа и победой царя? Из всего выше изложенного мы можем установить три главнейших причины поражения революции.

Первая причина заключается в том, что крестьянство во-время не пришло и не могло притти на помощь рабочему классу в борьбе с самодержавием. Политическое революционное сознание рабочих выросло раньше, чем родилось крестьянское революционное сознание. В этом, конечно, отнюдь никакой вины на крестьянстве не лежит. Все условия жизни рабочего сложены так, что скоро делают из него сознательного революционера и борца за социализм. И наоборот, условия жизни крестьянина,—темнота, забитость, невежество, в котором держали его господствующие классы,—долгое время мешают крестьянину рассмотреть, кто его действительные враги и как с ними надо бороться.

Помещик, урядник, земский—этих врагов он хорошо знал и против них нередко бунтовал. Но он долго не мог понять, что эти враги только винтики огромной машины—самодержавного помещичьего государства, что справиться и разбить эту машину угнетения можно лишь одним путем:

бить в голову. В революцию 1905 года крестьянин, наконец, пришел к этому убеждению, но пришел поздно, когда рабочий класс был уже разбит. Но, может быть, рабочий мог подождать, пока подрастет революционное сознание крестьян? К несчастью, революции по заказу не делаются и не отсрочиваются. Рабочий класс вступил в борьбу с самодержавием, когда жизнь его стала совершенно невыносимой. Мы видели, как рабочие делали попытку просить помощи у царя и как царь встретил рабочих свинцом. Само самодержавие вынудило рабочих на решительную борьбу,— на революционное восстание. Крестьянство в это время, как мы видели, тоже начало громить помещичьи усадьбы. Но крестьянство в массе своей не понимало, что свою борьбу с помещиками надо связать с борьбой рабочих. Борьба рабочих казалась им чуждой, не имеющей касательства к их крестьянским интересам.

Рабоче-крестьянского союза в борьбе с самодержавием во-время не создано. Это, как мы видели, отразилось и на армии, в большинстве своем крестьянской.

Армия в значительной своей части чувствовала, что борьба рабочих с самодержавием близка и крестьянским интересам, но у солдат, как и у крестьян, не было опять-таки ясного понимания необходимости этой борьбы, необходимости решительно и смело до конца стать на сторону рабочих. А рабочие и революционные организации

не сумели использовать и те революционные настроения, которые были в армии, не сумели закрепить их и повести за собой революционные полки. В этом лежит вторая причина поражения революции. В самом деле, возьмем восстание «Потемкина». Сила этого корабля равнялась силе целой солдатской дивизии, то-есть 16 тысяч солдат. А как была использована эта сила революционного корабля? Никак. Ни матросы, ни рабочие революционные организации не знали, что им делать, как поступить, и вместо того, чтобы решительно наступать, захватывать революционным движением другие корабли и части, беспощадно расправляться с начальством, создать свою власть — вместо этого корабль беспомощно мотался по морю, пока не сдался румынским властям. Ту же самую нерешительность революции мы видели и в Севастопольском и даже в Московском восстании. Нерешительностью революции, колебанием солдат воспользовались царские генералы и быстрыми решительными мерами не только обезвредили революционно настроенные полки, но и сумели их бросить против восставших рабочих. Вот эта боевая неопытность революции привела ее к поражению.

Третья причина разгрома революции заключается в измене буржуазии. Мы видели, как буржуазия и буржуазная интеллигенция выступила сначала против самодержавия. Но уже тогда в выступлениях буржуазии таилась грядущая изме-

на революции. Буржуазия хотела сохранить царя и только ограничить самодержавие. Рабочий класс хотел свержения царского правительства. Пока революционное движение носило нерешительный характер, буржуазия сама щеголяла революционными словами и пугала самодержавие. Когда же рабочие массы начали серьезное наступление на царя, а крестьяне—на помещиков, буржуазия сама испугалась революции и пошла на сделку с царем, стала помогать царю против революции. Мы видели, как петербургская городская дума отклонила требования Совета Рабочих Депутатов. Московская городская дума поддерживала генерала Дубасова, когда он умирлял восстание. В совет Дубасова входил член кадетской буржуазной партии Головин, который потом стал председателем II Государственной Думы. Измена буржуазии революционному движению помогла царю получить денежную помощь заграничной буржуазии. Эта помощь явилась четвертой причиной поражения революции.

Заграничная буржуазия снабжала царское правительство займами по высоким процентам, под крылышком царского самодержавия и при его содействии иностранные капиталисты получали огромные барыши с русской земли. Кроме получения высоких процентов по займам, они строили в России заводы, пользуясь крайне дешевым трудом русского рабочего. Они сбывали в Россию товары по высоким ценам и с большими бары-

шами. Вот почему они очень боялись революции, которая могла лишить их этих грабительских доходов. Затем, в русском самодержавии они видели опору и против рабочих революций на Западе. Они прекрасно понимали, что если русские рабочие и крестьяне победят, эта победа поднимет революционный дух рабочих Западной Европы, и здесь вспыхнут революции против капитала, революции социалистические. Но в начале революции заграничные капиталисты-банкиры не решились снабдить царя новыми займами на борьбу с революцией. А вдруг самодержавие полетит кувирком от удара рабочего сапога и крестьянского лаптя! Тогда ведь плакали зря потраченные денежки. Но когда русская буржуазия повернулась спиной к революции и стала на сторону царя, тогда и заграничные банкиры (французские) решили дать ему денег. Конечно, эта помощь потом была оплачена за счет крестьян и рабочих большими процентами. Да и теперь еще заграничные капиталисты рассчитывают содрать с нас уплату по займам царскому правительству, в том числе и по займу на подавление революции 1905 г. Но здесь они просчитаются. Еще Петербургский Совет 1905 г. заявил, что царские долги, в случае победы революции, уплачены не будут. Октябрьская революция 1917 года исполнила эти обещания.

Таковы причины поражения революции 1905 г. и победы царя. Об уроках этой революции мы говорили в начале книжки.

Революция потерпела поражение. Как отнеслись к этому революционные партии? Как отнеслись рабочие и крестьяне?

Меньшевики и эсеры после разгрома революции упали духом. Они решили, что теперь с революцией покончено навсегда. В рядах эсеров оказались крупные провокаторы (предатели), которые вконец разложили эту партию, и она перестала быть опасной самодержавию. Меньшевики старались приспособиться к новым условиям и звали рабочих не увлекаться больше надеждой на революцию, а потихоньку и полегоньку улучшать свою жизнь.

Только большевики остались верны революции. Организации большевиков были разбиты, работники партии сидели по тюрьмам, ссылкам или были вынуждены бежать за границу. Но партия не прекратила своей революционной работы, а только снова ушла в подполье. Большевики правильно рассудили, что если царь однажды победил рабочих и крестьян при помощи штыков и снарядов, так ведь этим он их не удовлетворил. Рабочие и крестьяне оправятся от поражения и снова, умудренные опытом 1905 года, вступят с самодержавием в борьбу. Задача революционной партии—прояснить революционное сознание рабочих и крестьян, воспитывать в них веру в ре-

волюционную победу, сплачивать союз крестьян и рабочих, чтобы избежать нового поражения. Партия большевиков в самых трудных условиях царских преследований с успехом выполняла свою работу. Этому успеху помогало то, что разбитые в бою рабочие и крестьяне вынесли из этого боя острую ненависть к самодержавию и к буржуазии. Для них вопрос борьбы с самодержавием был вопросом накопления сил, а это вопрос лишь времени.

Прошло двенадцать лет, и партия большевиков снова повела рабоче-крестьянские массы в революционный бой. Повела смело, решительно, крепко спаяв рабоче-крестьянские ряды. Через 12 лет рабочие и крестьяне добыли больше, чем они могли добыть в 1905 году. Они уничтожили не только царя и помещиков, но и сломили силу капитала. Самодержавным стал труд. К этой победе рабочие и крестьяне пришли через ту выучку, которую они получили в 1905 году.

1882

[Handwritten signature]

